

РУССКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ XVII ВЕКА: НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Аннотация: Статья обобщает многолетние наблюдения и размышления автора по теме, которая почти не представлена в прямых исторических источниках. Начальное образование в семье и частных, в основном приходских и мирских, школах, редко упоминаемое источниками, все же получило отражение в отдельных документах, частных письмах и записках. Но чаще исследователи изучают лишь его результаты в виде грамотности и участия людей разных сословий в делопроизводственной и довольно разнообразной литературной жизни. Максимальную информацию о ходе и содержании этого образования мы имеем для лиц царского семейства, которое рассматривалось современниками как идеал и образец для подражания, при том, что жизнь его тщательно документировалась. Процесс же воспитания во всех, даже высших сословиях, нам приходится оценивать по его результатам почти целиком. Все это не позволяет говорить, что русское воспитание и образование XVII в. нами исследовано, но по ряду источников и эпизодов мы, по крайней мере, можем сегодня судить об этом явлении.

Ключевые слова: воспитание, нравы, начальное образование, грамотность, податные сословия, дворянство, аристократия, царская семья, Россия XVII в.

Традиционное семейное воспитание и образование охватывало всех русских людей, на протяжении столетия очень редко выходявших за его пределы. Смысл воспитания и образования, как и в предшествующие века, состоял в подготовке к выполнению ребенком социальных и профессиональных обязанностей взрослого. Для девочек эта взрослость начиналась после 13 лет, хотя иногда их выдавали замуж и раньше, для мальчиков — примерно 15 лет, хотя многие из них начинали участвовать во взрослой жизни с малолетства, помогая отцам в поле, на солеварне и т. п., или служа, например, стольниками при юном наследнике престола. Воспитание формировало нравственные установки подданного государства, которое с весны 1612 г. официально именовалось Великой Россией¹.

Воспитание нравственных ценностей

В основе воспитания лежала идея личной ответственности. Прежде всего, за благосостояние и честь семьи. Здесь

¹ Согласно решению Совета всей земли в Ярославле 17 апреля 1612 г., подтвержденному затем Земским собором конца 1612 — начала 1613 гг. в Москве (Богданов А. П. 1612. Рождение Великой России. М., 2013. С. 3 и сл. Предыстория: Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012).

нравственные установки не менялись со времен «Домостроя» XVI в., который не был столь пуританским и мускулиным, как обычно представляется. Скорее он являл собой воплощение здравого смысла и реалистичного восприятия действительности. Довольно вспомнить, что муж, наказывая («уча») жену, обязан был не только разъяснить ей ее вину, но и добиться признания женщиной справедливости его обвинений (что на практике труднодостижимо). Женщина же, поддерживая порядок среди домочадцев, учила их правильному поведению с помощью побоев без лишних слов. «Не имеет слов, ино ударить» — рекомендовал «Домострой». Причем побоями учили сыновей, тогда как дочерей бить было не принято, по крайней мере, отцом². «Учить» жену побоями, разумно и по возможности, предстояло мужу; потому девицам и считалось должным горько плакать, выходя замуж.

Власть матери в семейных делах была неоспоримой, начиная с самых «верхов» общества. Ярким примером является попытка молодого царя Михаила Федоровича жениться на возлюбленной им Марье Хлоповой. В 1616 г. невесту уже нарекли царицей, дали ей новое имя Настасья, дворовые чины целовали ей крест, а по всей Руси люди Бога за нее молили. Все попытки придворных помешать этому браку, объявить невесту негодной по здоровью, «обнести» ее перед государем по поведению, привлечь Земский собор — не помогли. А по слову матери царя невеста была сослана, и государь получил такую

душевную рану, что восемь лет отказывался жениться. Наконец, скорбь сына смягчила даже его властного отца Филарета Никитича. Царь и патриарх выступили за брак вместе, врачебная экспертиза подтвердила полное здоровье Марьи Хлоповой. В 1623 г. должна была состояться долгожданная свадьба. Но мать взрослого царя и жена всесильного патриарха, великая старица Марфа Ивановна заявила, что «не быть ей в царстве перед сыном, если Хлопова будет у царя царицею». И два хозяина страны вынуждены были склониться перед ее волей³.

За матерью поведение членов семьи контролировало женское общество. У крестьян по его требованию «мир» мог приговорить пьяницу, дебошира или развратника к публичной порке. У горожан и дворян на его мнение опирался приходской священник, отправляя алкоголика или жестокого домашнего тирана «на исправление» в монастырь. При Дворе «верховые боярыни», жены виднейших аристократов и воспитательницы царских детей, действовали более тонко, но не менее эффективно. Вторая невеста царя Михаила Федоровича, из знатнейшего рода Долгоруковых угрожала балансу сил при дворе. Удивительно ли, что тщательно отобранная невеста не прожила и года, если ненависть к ее счастливым родичам, по свидетельству документов, проявилась со стороны обойденной знати уже у постели новобрачных?!⁴

Лишь третья избранница Михаила, Евдокия Лукьяновна Стрешнева, стала

² Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994. С. 88–133.

³ Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 23.

⁴ Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850. Стлб. 634, 1221.

матерью его детей. Царь женился на ней только через тринадцать лет после своего восхождения на престол. Наученный горьким опытом, он установил при дворе чрезвычайные меры охраны царицы (которые в полной мере воспринял затем Алексей Михайлович). Один взгляд на царицу человека, не принадлежавшего к узкому кругу допущенных к ней лиц, грозил тяжелой опалой представителю любого рода, независимо от знатности и заслуг. Но эти ограничения не касались «верховых боярынь» и иных вхожих ко двору дам, мнение которых не столь уж всевластный самодержец и его жена вынуждены были учитывать.

Ограничения, накладываемые на поведение самих женщин, не были столь серьезны, как в позднейшую эпоху капитализма. Идея «девичьей чести» присутствовала в общественном сознании, но далеко не в буржуазной форме сохранения девственности в качестве товара. Как протопоп Сильвестр столетием ранее обещал родителям, которые выдали девушку замуж нетронутой, восторженные похвалы всех соседей, так и в XVII в. соблюдение внешней благопристойности было всем, а физическая реальность — ничем. Это касалось не только деревни, где жило более 90% русских, и где сохранялись полужыческие традиции «игрищ меж сел», вроде праздника Купалы, с целью близкого знакомства девушек с юношами, но и города. Так, молодым горожанкам рекомендовалось ходить, у богатых и/или знатных, с подругами или мамками, по храмам других приходов, чтобы «люддей посмотреть и себя показать».

Это относилось и к почти обязательному участию девиц на выданье

в общественных мероприятиях. Такими были официальные, прежде всего церковные праздники, которые обычно служили прикрытием и оправданием исполнения языческих по происхождению обрядов «гуляния». О чем думали русские люди во время этих церковных по названию и объявленным поводам праздников, показывает пример старшего брата Петра I, богомольного царя Федора Алексеевича (1676–1682). Весной 1679 г., шествуя в крестном ходе, 18-летний царь разглядел в толпе зрителей симпатичную девушку и мгновенно велел своему приближенному «о ней, кто она такова, обстоятельно осведомиться». Получив нужные сведения, царь указал ее опекуну, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал». Правда, его дядя боярин Милославский сказал царю по-русски прямо (в литературной передаче): «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны!». Но девушка сама вышла к посланцам обеспокоенного царя и заявила, чтоб они о ее чести ни коего сомнения не имели и она их в том под потеряннем живота своего утверждает»⁵.

Ссылка на девственность в данном случае была средством восстановления опороченной слухами репутации. Без ее подтверждения царь, по традиции, не мог взять девушку замуж. Вообще, цари и члены их семей находились под столь плотным присмотром (в связи с обилием знатных наследственных слуг), что неофициально Федор Алексеевич даже и свидание с девушкой устроить не мог. Выехав на прогулку в Воробьево, он лишь прогарцевал мимо двора

⁵ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 235–237.

девицы, якобы случайно увидев ее в чердачном окошке и убедившись в желанности свадьбы, которая состоялась 18 июля 1680 г. Причем без обычной пышности, почти тайно, что можно связать с опасениями царя проводить невесту через обычные освидетельствования. Соображения невинности девицы царя не особо волновали, а вот вопрос ее репутации был принципиален.

Плотность опеки знатных лиц резко снижалась с каждой ступенькой, спускающейся от трона. Так, шестнадцатилетний князь Борис Иванович Куракин, представитель одного из 16-ти знатнейших родов государства, в 1691 г. женился на Ксении Лопухиной, сестре царицы Евдокии Федоровны, жены Петра I, дочери боярина Лопухина. На свадьбе был царь и все знатнейшие люди государства, патриарх Адриан и чуть не весь освященный собор. Никому не было дела, что, как признался князь в своих записках, молодые люди к тому времени уже год «как муж с женой жили». Т.е. молодые люди близко сошлись, достигнув брачного возраста в 15 лет для юноши и 13 лет для девушки. Вероятно, этому способствовало отсутствие обычного контроля матерей. Мама Куракина, княгиня Феодосия Александровна (урожденная Одоевская) умерла вскоре после родов. Дед и бабушка, княгиня Ульяна Федоровна, супруга князя Одоевского, погруженные в дела царского двора, во всем потакали внуку. А его бездетный дядя, воспитатель царя Федора Алексеевича, князь Федор Федорович Куракин, судя по обоим его воспитанникам, не отличался строгостью. Мама же Ксении недомогала (она умерла в том же 1691 г.). Но еще важнее, что

Ксения могла проводить много времени вне дома, при дворе своей сестры (царицы с 27 января 1689 г.), где знатные женщины и девицы-родственницы составляли собственное общество и играли важные роли⁶.

Еще в XIX в. выдающийся историк Москвы и царского быта И. Е. Забелин документально доказал, что строгое «теремное заточение», в котором часть XVII в. пребывали царицы и царевны, — просто частный случай, связанный с трудной судьбой Михаила Федоровича и психозом его сына Алексея Михайловича, вызванного ужасным несчастьем с его первой невестой Евфимией Федоровной Всеволожской, которую якобы «упоили отравой»⁷. Царя, оградившего свою жену даже от чужих взглядов, тем более можно понять, что сходные несчастья преследовали невест и жен его отца⁸. Но подробное заточение могло быть реализовано царем Алексеем только в отношении тихой и домовитой царицы Марии Ильиничны Милославской (1648–1669). Уже с царевнами, сестрами и дочерьми Алексея Михайловича, ограничения передвижений и круга общения не слишком получались даже у великого государя, хотя он и старался «уберечь» их от мира⁹.

⁶ Богданов А. П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М., 2008. С. 247–249.

⁷ На самом деле она пала жертвой более тонкого придворного заговора. См.: Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / П. В. Киреевский // ЧОИДР. 1846. № 1. Отд. 3. С. 1–47.

⁸ Обзор всех этих несчастий: Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 22–25.

⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869 (и др. изд.). С. 225–266.

Второй брак царя, несмотря на очередные заговоры и скандалы с невестами, закончил с необычной системой заточения женщин напрочь. С дня свадьбы 22 января 1671 г. молодая царица Наталия Кирилловна Нарышкина (мать Петра I), с помощью своего воспитателя канцлера А. С. Матвеева, установила свои правила дворцовой жизни. Появление царицы с открытым лицом, концерты, танцы, придворный театр вернули двор Алексея Михайловича ко временам его отца Михаила.

Впрочем, на знатных дам, управлявших многими делами во дворце, ограничения никогда не распространялись. А их общество, не прописанное в системе чинов Государева двора, но соответствующее ей «в тени», было чрезвычайно влиятельным, даже без учета естественного влияния жен на мужей и матерей на детей. Простой пример — крушение репутации всесильного правителя России боярина Бориса Ивановича Морозова, богатейшего человека после царя, в 1667 г. породнившегося с государем путем женитьбы на сестре царицы, Анне Ильиничне Милославской.

Дядька (воспитатель) Алексея Михайловича, старый друг его отца, ближний боярин и реальный управитель почти всех государевых дел не должен был пасть. Ликвидация неудобной ему царской невесты Евфимии, ее родственников и противников Морозова при дворе прошла блестяще. Причем дядька не был замешан в деле и выразил искреннее сочувствие воспитаннику, пострадавшему «от ненависти и зависти» высокогородных людей. Хотя царь от горя не мог есть, и едва брал в руки рогатину (копье с широким наконечником), чтобы

лично убить медведя, женская половина дворца была уверена, что юноша скоро оправится.

И действительно, через год Алексей Михайлович пришел в себя настолько, чтобы снова обращать внимание на девиц. Тут-то и увидел он в Успенском соборе заранее подобранных девушек из фамилии благодетельствованных Морозовым. Царский дядька, конечно, знал, кто может понравиться воспитаннику, и не ошибся. По другой версии дело обстояло еще проще. Избрав кандидатку в царицы, Морозов стал расхваливать царю красоту дочерей Милославского, а затем обратился к помощи государевых сестер. Царевны давно хотели, чтобы их брат обзавелся семьей и тем самым избежал искушений. Им было особенно приятно оказать услугу будущей царице и заручиться ее расположением. Девицы Милославские были приглашены во дворец и в покоях царевен как бы случайно представлены Алексею Михайловичу. Он влюбился в младшую, Марию. Посаженым отцом на свадьбе был Борис Иванович Морозов. А 27 января 1648 г., через 11 дней после царского брака, старый боярин объявил государю, что женился на старшей сестре царицы, Анне¹⁰.

И все бы было прекрасно, если бы не разница в возрасте. Боярину шел пятый десяток, его молодой супруге — третий. Хотя в первый раз Морозов женился на тридцать лет ранее (5 июля 1617 г.), все выглядело прилично. Точный возраст Анны мы не знаем. Однако она была

¹⁰ Запись о богатом пожаловании Б. М. Морозову за традиционный приезд к государю «на завтра своей свадьбы» опубли. среди подобных: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц. Приложения. № 2. С. 8–9.

первой дочерью в семье Ильи Даниловича Милославского, а ее сестра Анна, родившаяся в 1624 г., четвертой. Т.е. Марии на момент брака с царем было 24 года (царю — 19 лет). Не удивительно, что и эту царскую свадьбу сыграли необычайно тихо, без обычных увеселений и тем паче без издавна развлекавшей придворных дам «проверки царских невест». Анне Морозовой было минимум 26 лет: возраст для невесты того времени двойной, свидетельствующий, при всей ее пристойной репутации, о наличии определенного опыта. Сравнение этого опыта с возможностями 58-летнего богатого супруга, возможно, не было бы критичным, если бы Морозов сам был доволен собой. Доволен он не был. И хуже того, возмещал немочь жестокостью.

Упомянутый выше доктор медицины Самуил Коллинс, пользовавшийся своим искусством верхушку Государева двора, не без иронии вспоминал, что женившись на Анне Ильиничне Морозов «думал, что таким образом прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец (как и его брат, Глеб, женившись на Соковниной), а она здоровая молодая смуглянка; и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщины. Это в России случается часто между вельможными супругами, когда их любовь безрассудна или водка слишком шумит в голове».

Дело усугублялось тем, что старый ревнивец, выставивший себя на посмешище в высокопоставленном женском обществе тем, что мог предложить молодой супруге только толстую плеть, бессилён был

запретить Анне встречаться с ее сестрой-царицей и дамами при Дворе. Не удивительно, что женское общество подняло всесильного (но не во всем) временщика на смех. Уважаемый дядька царя превратился в шута. И в ходе последовавшего вскоре Московского восстания 1648 г. пал¹¹, до своей кончины в 1661 г. оставаясь при Дворе вообще без должностей.

Боярский чин Морозова не позволял женщинам, как было принято в более низких сословиях, пожаловаться на него приходскому священнику и применить к садисту, нарушающему нормы «Домостроя», увещевания, а то и церковное наказание. Упомянутое Коллинсом буйство во хмелю, заявленное женой и подтвержденное соседями, могло привести крестьянина, ремесленника, купца или даже мелкопоместного дворянина к заточению в монастырь «для исправления». Насилие в семье допускалось лишь до определенной степени, пока не грозило здоровью жены и домочадцев.

Традиция подразумевала ограничение домашнего насилия воспитательными целями. Муж воспитывал жену (которая, как правило, была моложе) и сыновей, жена — детей. С этим исключением использование силы не поощрялось. Например, о заведенном царем в XVII в. Челобитном приказе, принимавшем жалобы на злоупотребления высоких чинов Двора и администрации, говорили, что «там на сильников челом бьют». Воспитание убеждало, что быть «сильником» вообще, в любой области жизни — плохо. Насилие над женщиной в прямом смысле

¹¹ Смирнов П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929.

было, судя по всему, обычным делом. Но, как и потеря девственности, считалось предосудительным, когда становилось достоянием общественности, или вследствие жалобы потерпевшей (ее родителей и воспитателей), или в результате работы служб охраны порядка. В этом случае насилие было тяжким преступлением.

Откроем для примера записки видного дипломата и администратора окольного (это второй по знатности чин после боярского) Ивана Афанасьевича Желябужского¹². Он с кончины царя Федора Алексеевича (1682) до Полтавской битвы (1709) описывал события, которые обсуждались верхними слоями дворянского общества. В том числе, например, история о мужике, который в 1695 г. обещал, что «сделав крылья, станет летать, как журавль». Царским указом ему были отпущены 18 руб. на слюдяные крылья, на которых он не взлетел, затем 5 руб. на кожаные, тоже оказавшиеся слишком тяжелыми. В итоге изобретатель удостоился легкого наказания: был бит батогами (а не кнутом), правда, с взысканием на нем казенных средств путем распродажи имущества.

В обществе Желябужского обсуждались, среди прочего, уголовные преступления дворян и государственных служащих. Большею частью это были политические дела, подделка документов и корыстное нарушение законов при ведении дел, обман и взятки, ссоры и взаимные обвинения, казнокрадство и срыв

казенных поставок, иногда вооруженные грабежи и убийства, осуществляемые целыми отрядами во главе со знатными лицами, в т. ч. под Москвой и в самой Москве. Громких дел о насилии над женщинами было намного меньше, чем расследований разбоев дворянских отрядов, и еще меньше, чем дел о дуэлях, которые скрывались почти так же тщательно, как урон девичьей чести. В любом случае, аристократы, такие как Шереметевы, нередко ускользали от обвинений, даже если банда, в которой безобразничали юные шлоппаи, грабила среди бела дня в столице.

Разумеется, в жизни такого соотношения быть не могло. Просто дуэлей расследовалось очень мало, хотя сам царь Федор Алексеевич в 1680 г. в указе против них жаловался, что дворяне рубятся повсеместно, в т. ч. под стенами его дворца¹³. Да и дел об изнасилованиях, разбросанных по десяткам центральных ведомств, приказов, и уездных приказных изб, сохранилось, по крайней мере, не меньше, чем дел о разбоях. Но записки Желябужского показывают, что для дворянского общества приговоры по таким делам были экзотикой и неожиданностью, вызывавшей всеобщее обсуждение. Особенно учитывая, что наказание — казнь кнутом — было высшим перед смертной казнью (очень редкой в XVII в.), равным наказанию за самый наглый грабеж и разбой.

В 1684–1685 гг., в правление царевны Софьи Алексеевны, гордившейся своей девственностью и жившей, по слухам, с канцлером и генералиссимусом

¹² Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен и фамилий А. П. Богданов. М., 1990. С. 201–326.

¹³ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 267, 516 (текст указа).

князем В. В. Голицыным, а на деле с более энергичным министром внутренних дел Ф. Л. Шакловитым¹⁴, на растлении девиц погорели два дворянина. Сначала было «учинено наказанье Петру Васильеву сыну Кикину — бит кнутом перед Стрелецким приказом за то, что он девку растлил». Год спустя «Степану Коробьину учинено наказанье — бит кнутом за то, что девку растлил». Было ли это растление связано с насилием, или царевна, чья девственность рьяно воспевалась поэтами¹⁵, всерьез взялась за защиту этой ценности, неведомо.

В 1692/93 гг., при власти матери Петра, царицы Наталии Кирилловны (в девичестве Нарышкиной), «князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье — бит кнутом за то, что он жену убил». На 1695 г. приходится вообще невероятное дело стрелецких офицеров: «приведены в Стрелецкий приказ Трофим да Данила Ларионовы в блудном деле с девкою его жены, в застенке. И они повинились в застенке в блудном деле; сказали, что они с девкою блудно жили. Одному учинено наказанье перед Стрелецким приказом: вместо кнута бит батогами, а другого отослали в Патриарший приказ для того, что он холостой». Кнут, хоть и замененный батогами, за блуд

на своем дворе?! — Воистину, такое дело дворянам стоило обсуждать, ибо мало кто был без греха.

Но характерно, что все эти дела не учитывают социального положения «девки» — т. е. незамужней. В 1696 г. преступление было совершено против жены крестьянина, которую двое помещиков с бандами «резали и пытали», а одним из ответчиков была жена помещика. В «1696/97 на Царицыне бит кнутом нещадно Иван Петров сын Бортенев за то, что брал взятки, также брал женок и девок на постелю». Наконец, в 1698 г. «Иев Ермолаев сын Ильяшев» был выведен из Стрелецкого приказа площадь «и бит кнутом за то, что он, по воровскому своему умыслу и по воровской составной записи», сговорил было выйти за него замуж вдову окольного Матвея Измайлова, а она была уже сговорена за князя Аврама Ростовского; «и послан в ссылку в Азов».

В сумме этих записей понятно их появление в записках Желябужского, т. е. популярность таких эпизодов в разговорах дворян и чиновников. Случаи жесточайшего наказания за проделки, обычные в повседневной жизни, были так же нелепы, как юный князь Я. И. Лобанов-Ростовский во главе банды, грабящей на большой дороге государеву казну и убивающей царских крестьян¹⁶. Но пугали они гораздо больше, поскольку могли коснуться чуть ли не каждого. Ведь об изнасиловании «девки» ни в одном случае не говорилось. Похоже, что следствие

¹⁴ Богданов А. П. 1) Федор Алексеевич. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997. С. 156–227; 2) Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 99). М., 1998. С. 25–48.

¹⁵ Богданов А. П. 1) София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Вып. 7. С. 399–428; 2) Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 305–325.

¹⁶ И то князя секли кнутом во дворце, «в Жилецком подклете», а не публично, как вышеуказанных растлителей детства, «по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской». Россия при царевне Софье и Петре I. С. 210.

и суд интересовал лишь результат, а не согласие или несогласие девицы. Эдак впоследствии и А. С. Пушкина, до его женитьбы, можно было отправить на исправление в монастырь, а Арину Радионовну пустить подельником! И другому автору записок, виднейшему аристократу князю Б. И. Куракину за его годичные тайные отношения с боярышней Анной, могла светить казнь кнутом, подай ее родственники или свойственники жалобу. Тем более что свойственником (мужем сестры Анны) был не отличавшийся мягкостью нрава царь Петр.

Дворянство, однако, не пугалось казней настолько, чтобы менять стиль жизни. Отвага воспитывалась матерями у мальчиков, стойкость — у девочек. Военная служба и подвиги во имя Отечества у одних, организация домашней жизни и защита очага — у других, с детства воспринимались как верный жизненный путь дворянским сословием, о котором мы знаем больше всего, потому что именно оно оставило максимум письменных источников. Даже среди пишущих монахов большинство было из дворян. И эти монахи сохраняли воспитанные ими с детства нравственные установки и идейные воззрения¹⁷. Не только ученые монахи и публицисты, такие как Арсений Суханов¹⁸ или Игнатий Римский-Корсаков¹⁹,

¹⁷ Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Вып. 2. Издательство Магнитогорского университета, 2003. С. 28–53.

¹⁸ О нем детально: Богданов А. П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М., 2020.

¹⁹ Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 30–214.

но и высшие церковные чины, начиная с патриархов²⁰, весьма ярко проявляли дворянские убеждения, сформированные в детстве, даже если они рано принимали постриг.

Простой пример. Большую часть жизни любой дворянин, кроме небольшого числа профессиональных командиров, полковников, а с 1670-х гг. и генералов, посвящал гражданской службе. Высшие чины (бояре, окольные, думные дворяне) служили в Думе и царском дворце, на воеводствах в городах, в приказном судействе, в посольствах. Средние и младшие (дворяне московские, жильцы, выборные и городовые дворяне, дети боярские) проводили значительное время в исполнении многочисленных и разнообразных административных поручений. Близость к царю в XVII в. давала максимальные возможности служебного роста и имущественных пожалований, возвышения себя и всего рода. Однако несравненно более «честной» все, безусловно, считали военную службу, защиту Отечества с оружием в руках. Хотя цари, за исключением походов Алексея Михайловича и Петра Алексеевича, на войну не ходили!

Характер этого воспитания демонстрируется и другими наглядными примерами. После победы над изменниками-боярами и интервентами в 1612 г., после Земского собора, избравшего на царство Михаила Романова, Боярская дума впервые за несколько лет в полном составе собралась в Кремле. Бояре, окольные и думные дворяне рассаживались по чинам,

²⁰ Богданов А. П. 1) Русские патриархи. 1589–1700. Т. 1–2. М., 1999.; 2) Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015; 3) Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015.

а в одном чине — по знатности и времени пожалования. Освободитель Москвы князь Д.М. Пожарский не только занял место ниже князя Трубецкого и получил меньшую награду. Прежде него в бояре из стольников был произведен князь И.Б. Черкасский. Тот самый, что помогал полякам подавлять московское восстание 1611 г., в котором против интервентов сражался и получил тяжкую рану Пожарский. Род Черкасских возвысился и со временем прославился ратными подвигами. Но для дворянства примером остался Пожарский, как человек, выполнивший долг перед Россией²¹.

Не менее разителен пример князя Федора Ивановича Волконского. Именно он, с 38-ю оставшимися в живых ратниками Сторожевого полка, стащил с престола за бороду боярского царя Василия Шуйского. Когда бояре посадили на русский престол польского королевича Владислава, и страна содрогнулась от «боярской наглой измены», князь поднял ополчение в Переяславле, разгромил гетмана Сапегу, поднял Ростов и Кострому, одним из первых пришел освобождать Москву. Он очистил Новодевичий монастырь и поднял знамя над Покровскими воротами Белого города. Когда Первое ополчение разбежалось, князь стоял. Когда подошло Второе — штурмовал Китай-город и дошел до Кремля. В Кремле все это время сидел с боярами и интервентами князь Григорий Константинович Волконский. Он получал чины и жалование от королевича Владислава. И после победы Ополчения оказался

чиновнее родича, ведь в Ополчении чинов не давали. В Думе царя Михаила он получил чин окольного. Со своеобразной формулировкой: за то, что, раздавая наемникам-интервентам царские сокровища, включая венцы, скипетры и державы, составил всему опись, по которой многое у них потом было отобрано. А Федор Иванович в думский чин вообще не был пожалован. Но среди родичей, а затем и в государственных документах удачливый делец стал Волконским Кривым²². А храбрый воевода — «прямым» примером для потомков²³. В первую очередь для его сына Федора, боярина и выдающегося полководца²⁴.

Проблемы нравственного воспитания XVII в. не так уж далеки от нас, как может показаться. Борьба идей аристократов воинского духа и политических дельцов была актуальна и во времена Льва Толстого, потомка дипломатов и администраторов Толстых и полководцев Волконских. Последних даже нельзя назвать храбрецами в обычном смысле слова. Князья, в XVI–XIX вв. сражавшие всех врагов России, просто не понимали, как иноземец смеет покушаться на *их* Отечество. Когда в 1634 г. главнокомандующий русской армией боярин М.Б. Шеин и 14 городовых воевод сдались полякам, ставший на пути неприятеля князь Федор Федорович Волконский (всего лишь стольник)

²¹ Богданов А. П. Московские полководцы 1572–1618. М., 2018. С. 101.

²² О родовом воспитании Волконских: Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989.

²³ Это отражено в замысле блестящей работы: Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901 и мн. др. изд.

²⁴ О нем: Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1990. Т. 16. С. 100–110.

сказал парламентарам короля Владислава, что «ему, князю Волконскому, Шеин не в образец»!

Во главе крошечного гарнизона крепости Белая он сражался против королевской армии 8 недель, заставил врага отступить и повесил в Успенском соборе 8 неприятельских знамен. В Боярской думе и Посольском приказе был шок: дипломаты уже сдали королю по мирному договору и саму Белую, и всех жителей уезда. А князь привез 47 выживших в боях крестьян и горожан на казённых подводах в Москву. Поданный царю доклад гласил, что с трудом заключённый мир под угрозой из-за самоуправства князя. Царь Михаил Фёдорович политику понимал, но добродетель доблести и верности Отчеству ценил выше. Он вынес решение, что князь «сделал добро», велел впредь отписки Волконского докладывать лично ему, а героев Белой наделить землей под Вязьмой.

Предки Льва Толстого по материнской линии действовали так же. Защита Отчества была их профессией, призванием и долгом. Но потомок политических дельцов Толстых задался целью это воинское воспитание стереть. Сам он, побывав на Крымской войне, оказался больше Толстым, чем Волконским. В романе «Война и мир» князья Болконские — бездушные чудовища²⁵. А князь Андрей, поклонник

²⁵ Это неверно не только относительно деда Толстого, якобы изображенного им в роли Болконского-отца, но и к длинной череде предков графа по материнской линии. Хладнокровные перед лицом неприятеля, Волконские скорее могли проявить политическую гибкость (за которую предок Толстого и был прозван родичами «Кривым Волконским»), чем быть суровыми со своими женами. Не были они и ретроgrадами: это еще раз подтверждает эпитафия юной княгине Анне Ерофеевне Волконской осенью 1700 г., написанная в нескольких вариантах придворным

Наполеона (!), еще и резонер. Только после ранения он находит своего кумира «мелочным» «с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел». При том же Аустерлице в романе князь Николай Григорьевич Репнин (Толстой не сообщает, что он тоже Волконский, по матери внук фельдмаршала Репнина, царской волей принявший его фамилию, чтобы не угас род Репниных), льстиво отвечает корсиканскому чудовищу, что «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату».

На самом деле в этой битве был тяжело ранен, ведя в атаку на картечь эскадрон кавалергардов, именно князь Репнин. Наполеон лично предложил освободить князя и его офицеров в обмен на обещание не воевать в течение двух лет. Репнин-Волконский отказался наотрез. Его отец, оренбургский генерал-губернатор, выразил живую радость по поводу вести о боевом ранении сына и его ответе «узурпатору». Упавшее знамя, которое поднимает в романе князь Андрей, прежде чем от страха смерти впасть в разочарование своим кумиром Наполеоном, на деле поднял дежурный генерал соединенных армий князь Петр Михайлович Волконский. Согласно рапорту Кутузова, увидав отступление бригады Каменского с Праценских высот, генерал поднял упавшее знамя Фанагорийского полка и трижды водил бригаду в атаку «с сохранением всего нужного в таких случаях хладнокровия».

поэтам и создателем новой русской системы стихосложения (которой мы пользуемся до сих пор) Карионом Истоминым (*Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2019. С. 49–42, 384–385 (издание текста)).

Этот генерал, в трактовке Толстого — уstraшенный раной честолюбивый бонапартист, в реальной жизни даже не совершал подвига. Он исполнял свой прямой воинский долг без экзальтации и суеты. Его дальнейшая биография, укрепляющая идею превосходства старого дворянского воспитания, еще более удручала Льва Николаевича. Волконский начальствовал штабом Действующей армии в заграничном походе 1813 г. Он создал Генеральный штаб и его Военную Академию. Стал светлейшим князем, генерал-фельдмаршалом, канцлером и всех российских орденов кавалером, наконец, министром императорского двора²⁶. Честь по заслугам, сказали бы в XVII в. Понятно, что в романе его следовало убить! Очевидная для современников смелость авторской интерпретации образа Андрея Болконского, на смену которому должны были прийти люди с воспитанием Пьера Безухова, была забыта лишь в XX в.

Женское воспитание

Пример Л. Н. Толстого, не просто забывшего, но после участия в Крымской войне отрицавшего нравственные семейные ценности, привитые ему матерью, в девичестве княжной Марией Николаевной Волконской, дочерью генерала от инфантерии, внучке генерал-майора, правнучке генерал-аншефа, не обязательно говорит нам о разительной перемене во всем дворянском воспитании XIX в. по сравнению с веком XVII-м. Но то, что в допетровскую эпоху начальное воспитание детей

было делом именно женским, мы знаем точно.

Нигде не записано правило, что мальчики до 5 лет должны жить с матерью, на женской половине дома (которая у царей представляла собой отдельные хоромы, а бедных людей была весьма условной), у знати в окружении «мамок», как было предписано во времена Александра Невского²⁷. Однако это правило соблюдается во всех случаях у всех русских людей X–XVII вв., для которых мы можем установить возраст ребенка, передающегося на попечение «дядек» (с княжича Святослава Игоревича в 945 г.), начинающего профессиональное или книжное учение.

Мысль, что фундамент культуры закладывается в детях матерью, в XVII в. не вызывала сомнений. По крайней мере, в исторических текстах мысль, что дети больше научаются от матери, чем от отца, звучала без доказательств, как банальность; точнее, она сама служила аргументом²⁸. Русские были уверены, что так дело обстоит и у всех народов. Поэтому они не считали следствия женского воспитания в России чем-то исключительным. Даже стольник (чин после окольного) А. И. Лызлов, создавая фундаментальный исторический труд о борьбе земледельческих народов с кочевниками с древнейших времен

²⁷ Богданов А. П. Александр Невский. М., 2009 (и др. изд.).

²⁸ Так, у этрусков русский язык «извратился» потому, что матери были местными. И хотя «един московский народ» населил чуть не всю Европу, «истинный же столп языка славянского в Московской земле» См. текст: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 438–442. Жизнь фантастической повести в историографии XVII в.: Богданов А. П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // Novogardia. № 2. 2019. С. 252–279

²⁶ Детально: Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

до 1690-х гг., в котором мотивировал агрессивность кочевников не только хозяйственным укладом, но и культурными традициями, не использовал аргумент об их патриархальности. Правда, дворянин, воспитанный в походах 1670–1680-х гг. против турок и татар, не был в восторге от излишнего, на его взгляд, миролюбия русского и иных оседлых христианских народов²⁹.

Миролюбие, однако, присутствовало в культуре его времени в изрядной степени. Не только война воспринималась всеми русскими людьми, представители которых собирались на Земских соборах³⁰, государственными деятелями и публицистами как крайность, требующая тщательнейшей и справедливой мотивации, тогда как мир признавался безусловной и величайшей ценностью³¹. Смертоубийство вообще резко порицалось обществом. Справедливая смертная казнь страшному преступнику, предписанная законами, совершалась после утверждения приговора в Москве, царем и Боярской думой, и являлась мерой чрезвычайной. Хотя такие казни государственных преступников, «ведомых» убийц и разбойников, преступников против Церкви (колдунов,

ведьм, еретиков, раскольников), убийц родителей, мужей и жен, совершались в среднем несколько раз в год, общее число казненных нельзя было сравнить с казнями в странах к западу от Смоленска, где приговоры выносились местной властью и не требовали утверждения. Даже число сожженных колдунов в ведьм, несмотря на грозный указ Алексея Михайловича, укладывалось в XVII в. в два десятка — цифра для европейского государства ничтожная³².

Большая часть приговоров царя и Думы заменяла квалифицированную казнь (положенную по статье закона) на простую, а чаще всего — на наказание с сохранением жизни (битье кнутом, клеймение, ссылка в Сибирь, заточение и т. д.). В конце XVII в., при гуманном царе Федоре Алексеевиче, который иногда смертную казнь все-таки утверждал (например, протопопу Аввакуму с товарищами), милосердие и сохранение жизни осужденным стало официальной политикой. В продолжение этой политики в следующем столетии смертная казнь была приостановлена, а затем изъята из уголовного законодательства императрицами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Вернул ее, как известно, только Александр I.

Глубокое уважение к жизни всех подданных, включая крепостных крестьян и ясачных людей (как называли нерусские народы далеких окраин, облагавшихся не налогом, а данью, ясаком), видно в указах всех Романовых до Петра I. Характерны указы 1678 г., когда во время тяжелой

²⁹ Андрей Лызлов. Скифская История / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен А. П. Богданов. М., 1990; Богданов А. П. 1) От летописания к исследованию. С. 302–490; 2) «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003. С. 78–90.

³⁰ Прения по вопросам войны и мира на соборах рассмотрены: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

³¹ Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М., 2018. С. 83–115. Раздел: Праведная война и добрый мир.

³² Опарина Т. А. Неизвестный Указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. 2002. № 3 (9). С. 88–91.

войны России с Турцией и Крымом восстало множество подданных царю кочевых племен. Калмыки и тувинцы с сообщниками сожгли 16 русских деревень и много татарских селений, осадили Красноярск и четырежды приступали к городу, прежде чем были отбиты воеводой Загряжским и в ходе преследования потоплены в Енисее атаманом Родионом Кольцовым. Царь послал суровый выговор красноярцам, которые, видя катящиеся на них волны кочевников, вывели на стены и расстреляли *аманатов* (заложников) из этих племен. Воевода Даниил Загряжский, не удержавший красноярцев от сего поступка (он в этот момент готовился к вылазке, чтобы изрубить злодеев или пасть), был царским указом посажен в тюрьму. А атаман Кольцов обвинен ... в бесчеловечной жестокости!³³

Нравы в XVII в., несмотря на жестокости Смуты, а возможно и благодаря их отрицательному примеру, действительно смягчались. Оружие мужчины носили вне стен города. В городе холодное оружие (бердыши, сабли и шпаги) имели при себе только люди на службе (стрельцы, охранявшие порядок, и дворяне, сопровождавшие царя). Судебные поединки, узаконенные дуэли по серьезному поводу, принятые со времен Русской правды, в которых участвовали и женщины, с XVI в. велись в доспехах, но ... без смертельного оружия, с помощью дубинок. Дуэли с оружием, в которых участвовали лица, имевшие право его в городе носить, случались и вызывали большой резонанс. Но не имели такого распространения, как на Западе.

³³ Вся ситуация: *Богданов А. П.* Царь-реформатор. С. 190–197.

Корпоративное воспитание

Русское общество XVII в. можно, с определенной долей условности, разделить на классы и сословия. Но в реальности оно состояло, скорее, из корпораций. Высшей из них был Государев двор. Назвать всех принадлежащих к нему людей дворянами правильно лишь в том смысле, что все они имели право владеть землей с крестьянами под условием царской, прежде всего, военной, службы. Однако реально положение дворян разных чинов различалось разительно. Между аристократом и жильцом была настоящая пропасть.

В разные годы представители 16-ти или 17-ти аристократических родов, имевших привилегию пожалования из стольников прямо в бояре (минуя чин окольникового), занимали почти все высшие места в Думе и должности в военном и гражданском государственном аппарате. Их суммарное богатство едва ли не превосходило всех остальных дворян вместе взятых, а положение было неоспоримым. Они попросту управляли страной вместе с царем и готовились к этому с детства. Их женщины были «мамками» царевичей и царевен, властно управляли, вместе с мужьями, дворцовым хозяйством, сохраняли влияние при взрослых царях и при собственных взрослых детях.

И. Е. Забелин привел множество примеров власти аристократок при царском дворе. Я добавлю, что и сыновья знатнейших фамилий после совершеннолетия, достигнув уже второго и третьего десятка, часто жили с матерями и, по привычке, слушали их во всем. Характерен пример братьев, взрослых женатых князей Трубэцких (род. 1667 и 1668), которые заказали придворному поэту Кариону Истоминому

модную стихотворную эпитафию их матери, княгине Ирине Васильевне, до смерти в 1690 г. управлявшей их домом. Послушные сыновья Иван и Юрий стали затем сенаторами, а младший еще и генерал-аншефом. Другой властной «матерой вдовой» (женщиной с сыновьями, управляющей делами семьи после смерти мужа), отмеченной в творчестве Истомина, была боярыня княгиня Ирина Васильевна Трубэцкая (в девичестве Голицына). Писан он и эпитафию Татьяне Стефановне Трубэцкой (урожденной Татевой). Интересно, что в черновиках поэт мог ошибиться в имени покойного мужа княгини, но не в женских именах и отчествах. Через два года братья Трубецкие наняли Истомина руководить оформлением совместно возведенного ими нового каменного дворца³⁴. Судя по всему, по инициативе женщин, которые общались с поэтом: княгиня Мария Юрьевна Трубэцкая брала из его личной библиотеки (и честно вернула) замечательный Лицевой букварь и стихи про Алексея человека божия (для обучения детей церковному пению)³⁵.

Воспитанию детей, разумному и справедливому управлению домашним хозяйством, которое составляло у аристократов до 300 и больше человек дворовых, девочки учились с малолетства, так же, как мальчики обучались управлению вотчинами и поместьями, разбросанными обыкновенно по всей стране. Проблема состояла в том, что и Россию они воспринимали, как свое наследственное владение, вотчину.

³⁴ Богданов А. П. Стих и образ. С. 45–47.

³⁵ Подробно об общении знатных дам с придворным поэтом см.: Богданов А. П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1987 г. Л., 1987. С. 105–114.

Аристократия, составлявшая, благодаря родственным связям, одну большую семью, совершенно серьезно полагала, что имеет право решать судьбы государства лично, в рамках своей корпорации, не спрашивая более никого.

Не все аристократы становились боярами, число которых колебалось от одного до трех десятков³⁶. Для соблюдения баланса власти первых родов государства пожалования из стольников в бояре делались лишь при освобождении места определенной фамилии в Думе. Так, будущий канцлер В. В. Голицын ждал такой вакансии 20 лет³⁷. Многие просто не доживали до этого, а младшие сыновья имели меньше шансов. Но всех, включая девочек, воспитывали именно для активного участия в решении судеб страны. Юные стольники росли вместе с царевичами, девочки аристократки — с царевнами. Царских детей опекали их отцы и матери, «дядьки» и «верховые боярыни»³⁸. Управление Россией было профессиональным

³⁶ Эти вопросы были рассмотрены еще 100 лет назад: Ключевский В. О. Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919. Новое исследование: Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. Все изменения состава боярства детально отражены в источниках: Лукичев М. П. Боярские книги XVII века // Советские архивы. № 5. 1980. С. 50–54.

³⁷ О нем: Богданов А. П. 1) Василий Васильевич Голицын. // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 179–228; 2) Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М. — Магнитогорск, 2007. С. 221–248.

³⁸ См., напр.: Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 9. Смесь. М., 1851. Впрочем у каждого боярского сына была вначале «мамка», а затем и воспитатель — дядька, занимавший почетное положение в доме. (Седов П. В. К истории боярской семьи XVII в.: Семья князя Н. И. Одоевского // Cahiers du monde russe Russie. 57/2–3. 2016. С. 1–29. Прим. 46.

делом этой корпорации, периферию которой составляли богатые и знатные роды, не имевшие наследственного права на боярство, но имевшие прецеденты получения его по выслуге через чины думного дворянина и окольного.

Правление воспитанных именно для этого бояр не зависело даже от степени самостоятельности самодержца. Помощниками и советниками царя были одни и те же фамилии при Михаиле Федоровиче (1613–1645) и Алексее Михайловиче (1645–1676), которые слушали их почти во всем, при Федоре Алексеевиче (1676–1682), который позволял себе пойти наперекор большинству, опираясь на отдельных бояр единомышленников³⁹, и даже при Петре I (1682, реально с 1696–1725). Последний, используя на государственной службе множество «выскочек» из менее знатных корпораций, лично общался, слушал советы и опирался в первую очередь на аристократию⁴⁰. «Выскачками» и до него были «канцлеры» А. Л. Ордин-Нащокин и А. С. Матвеев, бояре из мелких дворян, возглавлявшие правительства волей царя, когда бояре не могли договориться о распределении власти. Кроме того, Боярская дума и стоявший под ней чиновный аппарат России пополнялись из нижних корпораций до Петра не менее активно, чем при Петре. Часть этих «новых людей» адаптировалась в аристократию, как было на протяжении веков.

³⁹ Богданов А. П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. № 1. 1998. С. 38–45; и др).

⁴⁰ Это количественно доказано по источникам: *Crummey, Robert O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700* // *Canadian/American Slavic Studies* 8. 1974. P. 272–287.

Изучение воспитания русских аристократов в XVII в. затруднено тем, что все их решения оформлялись указами первого из них, царя. Бесчисленные примеры личной несгибаемой стойкости в защите государственных интересов, а также презрения, которым корпорация, насчитывавшая (с примкнувшими к ней родами) несколько сот человек, обливала за малейшее нарушение в таком поведении, не затмевают факта, что мы с трудом выявляем общую самостоятельную волю бояр. Помогают лишь события Смуты, когда царский престол после смерти узурпатора Б. Ф. Годунова остался «голым».

Вся аристократия тут же встала на сторону Лжедмитрия I (1605–1606), присягнув ему и попросту убив сына Годунова. Но здесь аристократы следовали за дворянством: московским и в большей мере уездным, которое поддержало Лжедмитрия раньше, вместе со стрельцами, ямщиками и иными служилыми людьми «по прибору», о которых речь ниже. Затем подавляющее большинство аристократов поддержало убийство Лжедмитрия и возведение на престол «боярского царя» Василия Шуйского (1606–1610). Но немалая часть дворянства и служилых по прибору встала на сторону Лжедмитрия II (1607–1610). Тогда аристократы разделились: часть родичей сидела в Москве и служила при царе Василии, а часть в Тушино при «царе Дмитрие».

Когда московские дворяне, устав бессмысленно рубиться друг с другом, свели Шуйского с престола и покинули лагерь Лжедмитрия, для бояр пробил «час истины». В июле 1610 г. они, по благословению патриарха Гермогена, разослали по городам и весям объявительную грамоту,

призвав «быть в соединении и стоять за православную веру всем заодно», защищая право страны выбрать государя, не покоряясь ни захватчикам-иноверцам, ни вора́м-самозванцам. А заодно грамоту о присяге себе: дескать они, бояре, до выборов государя, по воле народа взяли на себя бремя власти. Но в разумность выбора царя Земским собором бояре решительно не верили. И отдали московский престол Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда, из шведской королевской династии Ваза.

Политические перспективы возможно соединения трех государств, при отводе еще и шведского престола, были интересными. Широта мысли бояр вызывает уважение. Увы, как любое объединение с Западом, на деле это означало подчинение России иноземцам. В августе бояре присягнули Владиславу, заключив с ним договор о сохранении их власти и привилегий. А в сентябре они сдали Москву войскам Сигизмунда — врага России, осаждавшего Смоленск! Подданные Московского государства поняли мотивацию семи первых бояр однозначно, как шкурный интерес: «Лучше королевичу служить, чем от холопов своих побитым быть и в вечной работе у них мучаться!»

Нежданно для бояр оказалось, что в стране, помимо них, присутствуют иные корпорации, полагающие себя вправе решать судьбу страны. Давно самой видной из них было московское дворянство: знатные и достаточно состоятельные люди, продвигавшиеся в чинах от жильца до дворянина московского и стряпчего до стольника, т. е. до чина, с которого аристократы начинали службу. Разумеется, московские дворяне могли попасть

и в Думу, но не по роду, а только за громадные личные заслуги. Выборные дворяне, служившие и получавшие поместья по спискам в своих уездах, но отобранные для временной службы в столице, соединяли московских дворян с остальной, основной по численности массой дворянства. Но корпоративно они отличались от нее так же, как аристократы от них.

Московские дворяне коллегиями по трое могли управлять не главными центральными ведомствами, а в армии их «потолком» было командование полком. Однако этого оказалось достаточно, чтобы оспорить решение бояр в пользу всей страны.

Грамотная, хорошо образованная (как увидим) корпорация московских дворян была невелика в масштабах страны. В начале XVII в. она насчитывала ок. 5000, в 1681 г. — 6385 мужчин⁴¹. С боевыми холопами (пожизненными слугами), с которыми они выступали на войну, их военные силы доходили до 15000. Но эти дворяне, помимо того что имели честь состоять в московском списке, располагали поместьями (условными владениями) и вотчинами (наследственными владениями) по всей территории России, исключая чернослошный Русский Север, Сибирь и Дальний Восток. Именно они выступали лидерами уездных дворянских корпораций, командуя отрядами уездного дворянства («сотнями») и играя первые роли в местной администрации, земских и губных избах.

Уездный дворянин и сын боярский, продвигаясь по службе, или попадал в список

⁴¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 151.

московских дворян, или его карьера оставалась. Различия в воспитании и поведении московских и уездных дворян мы не видим весь XVII в., за исключением того, что последние были в среднем намного беднее и, соответственно, не столь хорошо образованы⁴². Коллективные выступления их явно направлялись московскими дворянами⁴³. Таким образом, вооруженная сила последних возрастала за счет уездных дворян и детей боярских чуть не в 5 раз.

Прочнейшей нравственной установкой московских дворян была защита русских рубежей и самодержавия. Они пошли с Лжедмитрием потому, что были возмущены захватом власти выскочкой Годуновым. И с попыткой бояр короновать иноземца, власть которого бояре к тому же надеялись ограничить, случилось то же, что с «затейкой верховников» при воцарении Анны Иоанновны в 1730 г. С той разницей, что в XVIII в. дворяне взяли аристократов за грудки сразу, а в XVII в. им вначале надо было «очистить» Москву от призванных боярами иностранных воинов.

Дворяне откликнулись на весть об иноземных войсках в Кремле так, как были воспитаны, и действовали так, как были обучены. Даже в условиях страшной разрухи, Великого разорения и Гражданской

войны, они быстро подняли свои полки и сотни, добрали в сильно поредевшие ряды войска служилых по прибору и «охочих людей», собрали запасы с городов и весей и двинулись на Москву. К ним присоединились и казаки — открытая военная корпорация «служилых по прибору», окрепшая в ходе Гражданской войны. Эти своеобразные «военные коммунисты» принимали всех владеющих оружием, брали под контроль земли, например, уезд, и «кормились» взятым у крестьян, разделив населенные земли между своими сотнями и десятками.

30 июля 1611 г. Первое ополчение создало правительство России, «Совет всей земли» во главе с назначенными из дворян «боярами», и центральные ведомства-приказы, объявило мобилизацию служилых людей, установило им жалование, начало менять воевод на местах ... и развалилось. В ходе боев Москва была сожжена, но бояре и интервенты остались в Кремле и Китай-городе, тогда как большая часть ополчения разбежалась. Военно-административная власть московских дворян, даже вместе с дворянами городскими, уездными, не сработала без «головы» в Боярской думе. Многие дворяне тогда полагали, что Россия погибла. Но на самом деле погибло Московское государство, руками которого они служили.

Новую державу построили представители корпорации, которая никогда не претендовала на власть в Московском государстве, и не будет стремиться к ней в Великой России. Это были лично свободные налогоплательщики: посадские люди в городах и черносошные (государственные) крестьяне земель, окружавших

⁴² Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в. (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994.

⁴³ Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РАН. Т. IV. М., 1929. С. 103–108.

крепостнический центр страны с севера и востока. Они уже не первое столетие самоуправлялись выборными земскими старостами. Имущественное их расслоение к XVII в. было довольно серьезным. Наличие богатых крестьян с собственными металлургическими мануфактурами и соляными промыслами, городских купцов, мануфактуристов и богатых ремесленников с одной стороны, бедняков и не имевших собственных средств производства наемных работных людей — с другой, не позволяет говорить о культурной однородности этой категории населения России.

Однако одна общая черта воспитания «черных людей», как называли свободных горожан и крестьян, проявлялась в XVII в. отчетливо. Независимо от богатства, эти люди привыкли платить за все, что творится в стране. Дворяне, замечу, собирали государевы подати со своих крестьян, но сами платили личной службой. В центральных уездах они избирались и земскими старостами, но платили всегда за них. Крепостные крестьяне и холопы (дворовые люди), за исключением отдельных социальных взрывов, в которых всегда были ведомыми, проявляли самостоятельность только в побегах от помещиков, иногда целыми селами и волостями, в поджогах усадеб и пополнении числа разбойников⁴⁴. Эти люди были воспитаны в идее защиты благополучия своей семьи и деревни, «мира».

Черные люди всегда имели в виду более обширную округу: город и его уезд.

⁴⁴ Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РАН ИОН. Вып. I М., 1926.; и др.

Оружие они брали в руки только когда государство, которому они платили, допускало до них иноземцев. И тогда требование дать им оружие весьма смущало власти, а действия их были радикальными. В 1611 г., когда Московское государство рухнуло, в столице преданное боярами, а в Ополчении не справившимися с организацией дворянами, выборный земский староста Кузьма Минин поставил перед 11-ю своими товарищами в Нижнем Новгороде простой вопрос: Как мы оплатим спасение державы?

Миф о патриотическом порыве, под влиянием которого граждане отдали последнее на спасение страны, разбивается документами Нижегородских земских старост и созданного по их инициативе Второго ополчения (1611–1612)⁴⁵. Добровольные пожертвования составили ничтожную часть необходимых сумм. Старосты Нижнего Новгорода и всех примкнувших к ним городов, поручив князю Д. М. Пожарскому военную организацию, обеспечили его средствами путем установления обязательных сборов. У неплательщиков, в том числе из не примкнувших ко Второму ополчению городов, конфисковывались товары и продавалось имущество, а в крайних случаях и члены их семей продавались в рабство Поволжским татарам (такова, по меньшей мере, была угроза им в грамотах). Мининим со товарищи было организовано четкое финансовое и административное управление всеми освобождаемыми районами.

Земское государство в лице своих демократически избранных представителей

⁴⁵ Любимиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939.

железной рукой брало за горло всех разрушителей его предписаний. 11 апреля 1612 г. в Ярославле новый Совет всей земли объявил, что вместо павшего Московского государства восстало новое, по имени Великая Россия, с пояснением: великая, значит включающая все 53 уезда, от Москвы до самых до окраин, не взирая на вероисповедания и национальности. Государство, где все должны знать свои обязанности и исполнять их равно. Это государство упорно строилось затем Земскими соборами, в которых земские представители играли видную роль. Бояре через новоизбранного царя Михаила Федоровича формулировали проблемы. Дворянство почти во всех случаях дружно объявляло, что «радо служить». Черные люди отвечали, что конкретно делать⁴⁶.

Земский собор в реальности непрерывно управлял страной первые 9 лет царствования первого Романова: 3 трехлетних созыва. По мере укрепления страны он собирался все реже. Это соответствовало пожеланиям черных людей, которые полагали управление государством очень тяжелой обязанностью. Избиратели должны были за депутата платить, а он нес серьезные потери в собственных хозяйственных делах. «Честь» сидеть в Москве, желанная для дворян, среди черных людей не котировалась.

В 1649 г. земские люди собрались на собор из-за Соляного бунта в Москве. Налог на соль никому из них не нравился. Но бунт не нравился им гораздо больше. Избранные представители России внесли в новый свод законов — Соборное

уложение — такие свирепые казни за «скоп и заговор», что цари почти все приговоры потом вынуждены были смягчать. Идеи государственного суверенитета России и государственной измены тоже внесли в текст черные люди, поскольку таковые в головы бояр и дворян за последние века не пришли⁴⁷. Люди, которые платили государству, решительно требовали, чтобы оно было крепким и защищенным.

Наконец, выборщики и земские старосты всегда полагали, что государственная деятельность для них крайне обременительна, даже на местах. И настаивали на передаче всей власти в городах и уездах воеводам из Москвы, а всех финансовых функций себе. Эту реформу осуществил только просвещенный царь Федор Алексеевич, вместе с отменой откупов, облегчением и уравниванием повинностей (одной из которых было депутатство в Москве) и введением подворного обложения, благодаря чему мы получили, наконец, детальные сведения о населении страны⁴⁸.

Корпорации «служилых по прибору» проявили особенности воспитания только во второй половине XVII в., когда перестали соответствовать этому названию. Стрельцы, составлявшие ударную часть пехоты на войне, а в городах игравшие роль единственной казенной охраны и пожарной службы, лишь до начала XVII в. набирались из «охочих людей». Восстановленные после Смуты полки и гарнизоны, размещавшиеся в столице и уездных городах самоуправляемыми, свободными

⁴⁶ Обо всех соборах XVII в. детально: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства. С. 149 и сл.

⁴⁷ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987.

⁴⁸ *Богданов А. П.* Царь-реформатор. С. 613–621.

от налогов общинами, «слободами», быстро образовали особый мир. Основным доходом стрелецких семей было не жалование за службу в военное время, а ремесло, торговля и промыслы. Корпорация сама воспроизводила себя с запасом, превышающим потери. Новых людей брали все более неохотно.

В 1670-х гг. стрелецкие полки, числом 21, из 500-х превратились по составу в тысячные, а два поселенных в Москве выборных солдатских полка — в двухтысячные. Солдатские полки, сформированные из даточных людей (рекрутов) и, лучшие, из чернососных крестьян (выборные полки), предполагалось содержать на средства казны или чернососных общин, «мира», но они тоже вынуждены были вести все более обширные семейные хозяйства. В 1680 г. в России было 20048 стрельцов в 21 полку и 61288 солдат в 41 полку. Для сравнения: рейтар и копейщиков, переведенных из упраздненной дворянской сотенной службы, было всего 30432 человека (26 полков), в сохраненном Московском дворянском полку насчитывалось (с выборными дворянами и слугами) 16097 человек, казаков было 4 полка (14862 человека, не считая Сибири), а боевых холопов — 11830 человек.

Проще говоря, в регулярном составе армии, готовой в любой день отправиться на войну, было, как пересчитали еще раз сотрудники царя Федора Алексеевича, 76158 стрельцов и солдат, прежнее число казаков и 43908 рейтар и копейщиков. Т.е. служилые по прибору имели радикальное превосходство над дворянами в численности. И уже в 1682 г. решительно заявили о нем, включив ямщиков и городскую охрану (затинщиков и воротников)

в свое представление о единой корпорации «служилых по прибору». Ямщики, как стрельцы и солдаты, жили слободами в городах и группами дворов, ямскими станами, по всей стране. В их ведении находились не только лошади и подводы, как принято считать, но также состояние дорог и мостов, которые ямские власти строили и ремонтировали силами местных крестьян (в качестве казенной дорожной повинности). Все сухопутные пути сообщения от Смоленска до Амура зависели от состояния этой корпорации. Не случайно князь Д. М. Пожарский, освободив Москву от интервентов, в новом царствовании взял на себя руководство Ямским приказом (1618–1628). Он затребовал и, под угрозой отставки, получил воистину диктаторские полномочия для восстановления корпорации, без которой нечего было думать о единстве страны⁴⁹.

Весной 1682 г. стрельцы и солдаты, обвинив бояр в убийстве царя Федора Алексеевича, руководствовавшегося «общим благом», не только организовано взяли Кремль и послали выборных представителей в Думу и центральные ведомства. Летом они потребовали и получили от перепуганных бояр жалованные грамоты для всех корпораций служилых людей по прибору. Грамоты констатировали их новый, высокий статус в государстве, наряду с боярами и дворянами. Регулярная пехота получила название «надворная пехота», в прямую параллель с дворянами-кавалеристами. А на Красной площади был поставлен памятник с описанием, как надворная пехота

⁴⁹ Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

спасла государство от попытки переворота со стороны изменников-цареубийц. Если бы царевна Софья Алексеевна с канцлером В. В. Голицыным и фактическим министром внутренних дел Ф. Л. Шакловитым не смогла через несколько месяцев расколоть стрельцов и солдат, а через несколько лет удалить из их рядов активных пропагандистов повышения статуса «служилых по прибору», социальная история государства могла пойти по иному руслу⁵⁰.

Любопытно, что во всех корпорациях, политически активных по своей воле, женщины играли не просто высокую, но выдающуюся воспитательную роль. Только у черных людей мужья, не считая незначительной части купцов, направлявшихся в длительные поездки, постоянно сидели дома и могли принимать серьезное участие в воспитании и образовании многочисленных детей. Их дети учились у отцов ни во что не вмешиваясь без крайней нужды и не отвечать, если не спрашивают.

В остальных семьях, от боярина до мелкого дворянина, стрельца и ямщика, жены оставались одни «на хозяйстве» на годы. Правда, при откомандировании больше чем на год, даже стрельцам предлагались подводы и подъемные для перевозки

семей, потому что столь долгой жизни мужа без жены в те благословенные времена люди не могли и помыслить. Но отлучки до года были часты, а бояре и дворяне в посольствах проводили и больше времени без жен.

Стрелецкие жены нередко упоминаются в источниках как активная политическая и экономическая сила. Дети, старики, инвалиды, неслужилая молодежь, наемные работники, все хозяйство оставалось на них, когда мужья уходили на службу, особенно на далекую войну. Иностранцы со страхом рассказывали друг другу байки, как опасно ходить по стрелецким слободам, где стрельчихи могут затащить их к себе, чтобы насладиться белым иноземным телом. Но ведь и боярыня, и жена сына боярского, и жена ямщика оставались в своих домах и поместьях надолго. «Бой, грабеж и смертное убийство» на межах владений, ужасавшие царя Федора Алексеевича, часто происходили, когда мужей нет дома. При этом с введением обязательной регулярной службы дворянства в конце 1670-х гг., когда бывшие члены уездных «сотен» вынуждены были отправляться на долгую службу в пограничные военные округа, эти побоища силами дворовых людей и крестьян с обеих сторон только учащались⁵¹.

Жены в отсутствие мужей играли роль «матерых вдов»: вдов с сыновьями, исполнявших все публичные обязанности мужа, но с большими трудностями. Их избалованные дети учились требовать своего более настойчиво, чем повелось

⁵⁰ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 87–363; Богданов А. П. 1) Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1993. С. 77–108; 2) Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1995. С. 39–62; 3) Стих и образ. С. 144–165; 4) Царевна Софья и Пётр. С. 20–44.

⁵¹ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 200–233.

у черных людей, для которых отсутствие мужа означало всего лишь задержку его за городом в кабаке. Служилые по прибору постоянно коллективно требовали повышения жалования, жаловались на его снижение, задержку, кражу начальством. Дворяне требовали все больших сроков сыска беглых крестьян и, главное, земли. «Земельный голод» русского дворянства стал притчей во языцах. И все пишущие дворяне поголовно были настроены агрессивно: не просто по военному воспитанию (оно было также у стрельцов и солдат, которые на войну не рвались), но по горячему стремлению к расширению границ страны для получения новых поместий и вотчин⁵².

Бояре и боярыни, воспитывавшие царевичей, хотели новых земель не меньше, чем беднейшие дворяне⁵³. Царь, не выступающий завоевателем, был в свете этого воспитания просто нелеп. Даже просвещенный царь Федор Алексеевич, прекрасно знавший цену войны, губительную для экономики страны, пошедший против большинства Боярской думы ради окончания войны с Османской империей, снизивший военные налоги, отхватил от Дикого поля новыми укрепленными рубежами десятки тысяч квадратных километров плодородной земли,

тут же раздав боярам и дворянам земли с огромным числом крестьян⁵⁴.

Образование

В XVII в. наблюдается быстрый рост грамотности населения сравнительно с XVI в. Прежде всего, в пределах приходской школы, где священник или дякон учил детей обоего пола читать, затем писать, считать и, наконец, петь по нотам. Для подавляющего большинства эти знания были высшим достижением, потому что очень многие ограничивались профессиональным образованием.

В крестьянской среде подростки принимали участие в работе родителей и так учились сельскому хозяйству и ремеслу. Эта подавляющая часть населения страны остается вне поля зрения историков вследствие отсутствия источников. Ведь вместо крепостных крестьян в публичном пространстве фигурировал их хозяин дворянин. Даже при проведении следственных действий с повальным опросом, «обыском», их речи, «сказки», удостоверял приходской священник.

Только черносошные крестьяне сами, в лице своих «миров», общались с государством, составляли и хранили имущественные документы. До нашего времени часть из них сохранилась чудом. Оно-то и позволяет говорить, что богатый северный крестьянин с большим хозяйством и наемными работниками не мог обойтись без «ларца с письменными крепостями

⁵² Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ. С. 28–53.

⁵³ В 1678 г. в среднем боярин имел всего 830 крестьянских дворов, окольный — 230, думный дворянин — 150. И эти далеко не грандиозные богатства распределялись весьма неравномерно: у богатейшего боярина было 4600 дворов. Новосельский А. А. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М. — Л., 1949. С. 88–149.

⁵⁴ Уже в 1678 г. крестьянское население южной границы достигало 470 тыс. человек (в 1646 г. было около 230 тыс.). (Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 170).

и кабалами»⁵⁵. Об этом свидетельствуют архивы крестьян Шангиных, копировавших в Посольском приказе (!) даже «Вести-куранты», составленные для царя и бояр⁵⁶, и Емецких. Яков Емецкий уверил в своем завещании, что его отец и дед были грамотными, его старшие сыновья «изучены промыслу и изучены грамоте и пети и писати», а трое младших, 12, 7 и 6 лет, еще не обучены. Шесть лет спустя на документах семьи имеются подписи уже всех ее мужчин⁵⁷. В обучении грамоте девочек торговые крестьяне не видели необходимости, тем более, что за это надо было платить либо попу и дьякону, в церкви которых хранились и купленные крестьянами вкладчину книги, или наемному учителю из бездомных «бобылей»⁵⁸.

Столь же случайно сохранилась записная книга приказчика соляных промыслов купцов Панкратьевых 1673–1703 гг., содержащая 295 его грамоток и писем в Москву⁵⁹. Хозяйственная записная книжка новгородских купцов Кошкиных начинается русско-шведским словарем⁶⁰. По сообщению иностранного

путешественника Адама Олеария, новгородский купец Микляев просил его обучить его сына немецкому и латинскому языкам⁶¹. Подобные отрывочные сведения, путем логических рассуждений историков, превращаются в выводы о высокой грамотности торгово-промышленных людей разного происхождения, крестьянского и городского, и о привычке купцов, торговавших с иноземцами, учить сыновей иностранным языкам.

Предположение о производственной необходимости изучения грамоты черными посадскими людьми подкреплено подсчетами подписей домовладельцев московской Мещанской слободы, где жили в основном выходцы их западно- и южнорусских земель, под отдельными сохранившимися приговорами мирских сходов. В 1677 г. своей рукой расписались 36% хозяев, в 1680-х гг. таких было от 25 до 40%, в 1690-х — от 36 до 52%. Показатели московского посада в целом ниже: в 1686 г. на записях допросов в судебных делах смогло расписаться 23,6% мужчин⁶². В Соликамске в 1680–90-е гг. среди посадских было до 49% грамотных⁶³.

Внимание привлекают не столько сами цифры, приблизительные, но для Европы XVII в. довольно высокие, сколько тенденция роста грамотности, прослеживаемая по самым разнообразным источникам. По ним мы можем заключить, что отдавать детей в приходскую или частную школу и приглашать в дом учителей с каждым годом становилось все

⁵⁵ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 211. Данные XVII в.

⁵⁶ *Морозов Б. Н.* 1) Из истории русской переводной научной технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.; 2) Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. № 1. 1980.

⁵⁷ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера. С. 212.

⁵⁸ *Копанев А. И.* Книжность северной волости XVI–XVII вв. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 394–399.

⁵⁹ *Гейман В. Т.* Соляной промысел гостя Панкратьева Яренского уезда // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 35. Л., 1929.

⁶⁰ *Бахрушин С. В.* Торги новгородцев Кошкиных // Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 219.

⁶¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 225.

⁶² *Устюгов Н. В.* Научное наследие. М., 1974. С. 78.

⁶³ Очерки истории СССР. С. 554–556; *Устюгов Н. В.* Научное наследие. С. 78; и др.

более принятым в обществе. Более того, во второй половине XVII в. многие учились читать, писать и считать письменно уже в зрелые годы.

Для оценки принятых в исторической литературе цифр следует учесть, что источники в принципе не охватывают в целом ни одну из корпораций или категорий населения, за исключением белого духовенства. Приходские попы и дьяконы теоретически обязаны были быть грамотными. И действительно, священники неизменно ставят подписи на документах «мира» их прихода, подтверждают показания прихожан, завещания и т. п. Столь же общим, но вполне точным представляется наблюдение относительно воевод: командующих войсковыми соединениями и начальниками уездов (уезд включал город с округой размером с современную область): «В первой половине XVII в. встречаются неграмотные воеводы. Дворяне, посылаемые для выполнения правительственных поручений, были либо неграмотными, либо малограмотными, и потому ездили с подьячими ... Во второй половине XVII в. неграмотных или малограмотных воевод не встречается»⁶⁴.

Однако уже монашество охватывается источниками весьма выборочно. А об основной массе уездного дворянства мы знаем еще меньше. Документы дворянских смотров, десятки, традиционно фиксировали число людей и коней, вооружение и снаряжение каждого дворянина и сына боярского, не интересуясь его грамотностью. При этом немалая часть дворян уклонялась и от смотров. Даже дворяне московского списка частенько

не записывали своих сыновей в службу и после 15 лет, полагая благом оставить их управлять вотчинами и поместьями. Эта ситуация весь век провоцировала множество гневных царских указов, а в 1679 г. царь Федор Алексеевич сделал службу для всех дворян обязательной. Любого не явившегося в полк отпрыска уездного дворянина с 15 лет следовало, сыскав, отдать в солдаты, а детей московских дворян — в копейщики или рейтары, понизив до городских дворян⁶⁵. Единственным, причем не требующим большого числа людей вариантом была гражданская служба в приказах, в т. ч. дворцовом ведомстве, и при Дворе, с поголовной грамотностью таких дворян.

Грамотность или, в первой половине века, малограмотность большинства дворян московской службы может быть установлена по документам; в конце концов, они расписывались за жалование. Но факт, что, при всей свирепости сыска «нетчиков», историки обнаруживают в родословных росписях взрослых и даже женатых дворян и аристократов, не записанных в службу. Проще говоря, кто-то из 3–5 сыновей оставался у материнской юбки и полностью выпадал из документов.

С учетом этого и следует оценивать принятые в историографии оптимистические цифры роста грамотности в «бунташном веке». В среднем по России последней четверти XVII в. грамотность белого духовенства оценивается в 100%, черного — в 75%, купечества — в 96%, дворянства — около 50%, посадских — 40%

⁶⁴ Устюгов Н. В. Научное наследие. С. 212.

⁶⁵ Богданов А. П. Царь-реформатор. С. 202–203, публикация указов в Ч. II.

и крестьянства (без учета крупных региональных различий) — примерно 15%⁶⁶. Это соотношение соответствует и профессиональным интересам названных социальных групп, и их образовательной активности, отмеченной множеством разрозненных источников⁶⁷, среди которых фундаментально исследована частная переписка⁶⁸.

Белое духовенство более прилежало к чтению служебной литературы. Дворяне все чаще обучали детей грамоте и нередко приглашали иноземных учителей, отдавая предпочтение исторической и военной литературе. Купечество усердно вбивало в своих отпрысков математику и живые иноземные языки, а читало больше романы и повести. Монашество поставляло практически весь контингент преподавателей «свободных мудростей» и профессиональных литераторов, владевших классическими языками.

Другим полюсом оценки склонность россиян к образованию служит представление о «темной и непросвещенной Московии», опирающееся на публицистические суждения иноземцев и голословное утверждение беглого подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, писавшего, по заказу шведского правительства, что даже «многие» бояре «грамоте не ученые

и не образованные», в Думе сидят, только «брады свои уставив, ничего не отвечают»⁶⁹. Воспоминания эмигранта, записанные во второй половине 1660-х гг. в Швеции, относятся к 1645–1664 гг.⁷⁰ Чтобы проверить их, историкам достаточно было бы взять в руки многократно изданное Соборное уложение 1649 г., под которым из 29 бояр не смогли собственноручно расписаться двое.

Сам царь Алексей Михайлович писал — к ужасу ревнителей традиции — своей рукой, когда хотел особо поощрить корреспондента. Его сыновья — ученики Симеона Полоцкого царевичи Алексей, Федор, возможно, Иван — и дочери (в особенности Софья) писали по личной надобности, диктуя лишь тексты государственные. И Петр, писавший в традиции его семьи каракулями, вывел своей рукою в общей сложности целые тома писем и записок⁷¹. Судя по личной переписке канцлеров А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева, князя В. В. Голицына и подобных ему представителей высших аристократических родов, старинные предрассудки относительно необходимости навыков письма и образования были во второй половине

⁶⁶ *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1903. С. 8–13. Бакланова считает эти данные даже заниженными: *Бакланова Н. А.* Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156–193.

⁶⁷ *Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Грамотность и образованность различных сословий [XVII в.] // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 55–66.

⁶⁸ *Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

⁶⁹ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4, доп. — СПб., 1906. С. 24.

⁷⁰ Обвиненный в России в краже, этот образец продажной части русской эмиграции получал жалование сначала в Польше, затем в Швеции, где успешно продавал клевету на свою страну, затем соблазнил жену квартирного хозяина-переводчика и убил его, за что и был обезглавлен. (*Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. История одного предательства и создания выдающейся книги о России. Одесса, 1895; переизд. М., 2016).

⁷¹ Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. М., 1876.; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1–7. СПб., 1887–1917.; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8–12. М., 1946–1975.

XVII столетия вполне забыты. Основательное образование, которое давали своим детям царь Алексей и упомянутые государственные мужи, включало «свободные мудрости» (дисциплины тривиума и квадривиума) вкупе с церковнославянским, польским и латинским языками, на которых полагалось читать, говорить и писать.

Прославленная ученица Симеона Полоцкого царевна Софья отнюдь не была исключением среди московских дам высшего круга. Федору Алексеевичу, с детства окруженному образованными тетками, среди которых выделялась знаменитая меценатка Татьяна Михайловна (1636–1706), старшими сестрами и «старыми» (по званию и не всегда по возрасту) боярынями, это было прекрасно известно⁷². Изрядная образованность требовалась знатым дамам, во-первых, чтобы вести огромные хозяйства и учить своих детей — будущих государственных лидеров и их жен — когда мужья разъезжались служить по бескрайней державе и за море. Во-вторых — для того, чтобы писать личные письма, опять же мужьям и детям⁷³. В-третьих, но не в последних — образованность, широкая начитанность и в особенности владение красотами риторики и версификации с последней четверти XVII столетия (и почти все царствование

Петра) были при дворе в такой моде, что дама, неспособная разразиться по всякому случаю стихами или на худой конец изящной орацией, могла сойти за деревенскую дурочку.

Если в конце 1670-х — начале 80-х гг. стихотворных эпитафий удостаивались редкие выдающиеся лица, то спустя десятилетие стихи буквально заполнили надгробия бояр и дворян, церковных иерархов и простых монахов, дьяков, подьячих, певчих, купцов и т.п.⁷⁴.

В Москве 1670-х литературные приветствия и поэмы адресовались разве что царям; в 80-х их посвящали и крупным государственным деятелям; в 90-х дети приветствовали своих родителей по великим праздникам и в день ангела, гости поднимали чашу за хозяев со стихотворным тостом, а те заказывали оформление новых палат литератору, чтобы яркая роспись соответствовала премудрому замыслу, разъясненному изящными надписями на стенах, оконных проемах и потолке.

Не удивительно, что все при дворе, по замечанию В. Н. Татищева, «заговорили стихами». За двором, как всегда бывает, тянулись остальные россияне: гости и верхушка посада, служащие приказов и казенных мастерских палат, иноки и инокини привилегированных монастырей, а в первую очередь, разумеется, дворянство (в большинстве не входившее в московский список). Вряд ли следует пояснять, кто именно в дворянских семьях наиболее следил за модой. Хотя щеголи (нещадно ругаемые добропорядочными старцами то за «горлатные»

⁷² Неплохим образованием отличалась и мачеха царя Наталия Кирилловна Нарышкина. Именно она поддержала в России революционную педагогическую систему Яна Амоса Каменского, сначала для своего внука, а затем и для всех детей. (Богданов А. П. Учёба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 224–256).

⁷³ А то стольник кн. П. И. Хованский, например, тревожно вопрошал сына о последнем письме из дому: «Да отпиши ко мне, для чего не материна рука?!» (Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905. С. 316).

⁷⁴ Подробно: Богданов А. П. Стих и образ. Ч. I. Жизнь в зеркале смерти. С. 19–196.

шапки, то за красные каблуки, ибо вечна истина, что «молодежь уж ныне не та») всегда были на виду, спрос на их старания искони определялся красными девицами и дамами.

Конечно, выручали придворные литераторы, вроде Кариона Истомина, мгновенно писавшего стихи и речи всем и на всякий случай⁷⁵. Но само женское увлечение высоким литературным стилем вовсе не было диковиной: умная и красивая речь, даже согласно злобному памфлету Котошихина, издавна считалась на Руси важным признаком «доброй» невесты. От мужчин этого не требовалось: в результате еще в Древней Руси премурые женские речи воспринимались нашими богатырскими предками с трудом, да и новейший исследователь ужасается изошренной двусмысленности выражений тогдашнего прекрасного пола⁷⁶.

Так что юный дворянин был часто отрываем от коней, оружия и прочих интересных вещей и принуждаем корпеть над книгами. Единственное отличие обучения девочек состояло в том, что им по традиции, отраженной еще «Домостроем», не рекомендовалось усиленно впаривать науку через седалище. Действительно ли «розга ум вострила, память изошряла», или вколачивание знаний требовалось только для преодоления отставания юношей от девушек в природной склонности к учению — тайна велика есть. Однако же учились равно те и другие. Карион Истомин без всяких сомнений адресовал как

свой гравированный Леонтием Буниным Букварь, так и весь цикл учебных сочинений, развивавших педагогические принципы Яна Амоса Коменского, «хотящим учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам»⁷⁷.

В авторском архиве придворного поэта, начавшего деятельность при царе Федоре⁷⁸, сохранилось огромное количество заказных литературных произведений на все случаи жизни равно для мужчин и женщин, учениц и учеников. Любопытно, что большинство ходовых заказов, например, стихотворных эпитафий, выполнялось автором в нескольких вариантах. Ergo — обоюдо пола придворные, а вслед за ними мелкие дворяне и приказные, гости и купцы, монахи и певчие мнили себя знатоками изящной словесности, способными давать указания литератору и выбрать наилучший текст! Да и как иначе, когда жизнь человека начиналась стихотворными поздравлениями друзей счастливым родителям, проходила под литературными девизами (вроде «Зрением и потребством вещей человек веселится!») и завершалась

⁷⁷ Богданов А. П. 1) Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989. S.127–147; 2) Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1989. С. 96–144; 3) Карион Истомин // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 254–261.

⁷⁸ См.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии А. П. Богданов. М., 1983. С. 16 и след.; Богданов А. П. 1) Стих и образ. Ч. III. Из архива придворного поэта. С. 351–455; 2) Стих торжества. Ч. II. Из архива придворного поэта. С. 383–648.

⁷⁵ Подробно: Богданов А. П. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. Ч. I. М., 2012.

⁷⁶ Демин А. С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 47–51.

выбитым на надгробии силлабо-ритмическим 11-ти или 13-ти-сложником...

Обращаясь к содержанию окказиональной, т. е. написанной «на случай», литературы, пышно расцветшей в Москве после Симеона Полоцкого, мы можем констатировать весьма высокий, сравнительно с господствующими в науке представлениями, уровень общих познаний Государева двора и его окружающей среды о мире, природе и человеке, о составе и содержании схоластических научных дисциплин, не говоря уже о богословии⁷⁹.

Знания, на которые ориентированы аллегорические конструкции придворных литераторов, распространялись частью благодаря познавательной направленности самой придворной литературы, а в основном — вполне традиционной рукописной и печатной книжностью. Именно аристократия и московское дворянство, составлявшие малую часть населения России, были едва ли не главным потребителем продукции Государева Печатного двора (за исключением из подсчетов церковно-служебной литературы). Дворянами и дворянками раскупалась немалая часть бесчисленных тиражей Букваря, почти вся беллетристика (особенно из устроенной в царском дворце Верхней типографии). Ими было выкуплено 66,7% «Книги о хитростях ратного строя», 60% Соборного уложения и даже 25,9% Миней месячных. Обладатели крупных библиотек русской и иностранной литературы и собственных книгописных мастерских, вроде Н.И. Романова, Б.И. Морозова,

Н.И. Одоевского, Ф.М. Ртищева, В.В. Голицына и т. п. были, разумеется, постоянными покупателями Печатного двора, которых не смущала высокая цена изданий⁸⁰.

Без книг, по его словам, не мог прожить руководитель Верхней типографии царя Федора ученый монах Сильвестр Медведев. Но таким же образом слезно молил из-за границы о присылке новых книг и мелкий дворянин, будущий канцлер А.Л. Ордин-Нащокин, адресуясь к боярину Ф.И. Шереметеву и князю М.П. Пронскому⁸¹. В основном мы знаем о частных библиотеках по материалам вкладов в монастыри и конфиската, когда на завещанное, изъятое или выморочное имущество составлялась опись. Очевидно, что книг и библиотек было значительно больше, но главное, что мы можем утверждать наверняка — они функционировали значительно более интенсивно, чем частные дворянские библиотеки впоследствии.

Не стараясь привести здесь рассыпанные в переписке просьбы о покупке, присылке и передаче книг, тем более не пытаясь охватить море владельческих и читательских помет на книгах, ограничусь одним примером. Случайно сохранившийся в архиве Кариона Истомина листик записей свидетельствует, что за пять месяцев он выдал «почитать» из своей сравнительно небольшой библиотеки 27 книг двадцати шести представителям разных слоев общества, главным образом высшего, в том числе девяти читательницам. Княгиня Мария Юрьевна

⁷⁹ Богданов А.П. Естественнаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 260–278.

⁸⁰ Подробно: Луппов С. П. 1) Книга в России XVII в. Л., 1970; 2) Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.

⁸¹ Галактионов И.В. Ранняя переписка А.Л. Ордина-Нащокина. Саратов, 1968. С. 23.

Трубецкая брала у поэта Лицевой Букварь для своих чад, а княгиня Мария Федоровна Голицына — «Слово о послушании и военном деле» (неведомо для кого: может, сама желала разобраться?). Две дамы высшего света — П. И. Пушкина и Е. А. Куракина — читали друг за другом свежую сентябрьскую миною Димитрия Ростовского, князь П. И. Хованский — Скрижаль Симеона Полоцкого, дворяне Глебовы — новый перевод «Книги Иулия Фронтиня, сенатора римскаго, о случаях военных» и печатную грамматику, дворянин Ф. В. Наумов — Библию в переводе Епифания Славинецкого.

Книжные интересы читателей, согласно этому маленькому срезу библиотечного быта, не выходят за рамки общей статистики грамотности. Коли купцы лучше знали живые языки — гость Андрей Филатьев просил почитать немецкий Календарь Фогта. Раз монахи отличались в изучении языков классических — так «иеродиакон Иов, что по-гречески и по-латински умеет», брал у Кариона Атлас Меркатора. Монахиня явила склонность к беллетристике, взяв изысканно изданную Верхней типографией Историю о Варлааме и Иосаафе в изложении Симеона Полоцкого. А жена не попавшего в нашу статистику певчего дьяка не посрамила свою сословную группу, бывшую в чести при дворе, осилив довольно сложный теологический трактат Григория Богослова⁸².

Кажется очевидным, что профессиональные интересы принуждали к учебе сильнее, нежели придворная мода. Для дворянства в целом после военно-окружной

реформы царя Федора требования регулярной службы серьезно возросли, но не они, надо признать, определяли уровень грамотности сословия служилых по отечеству. Все государственное дело-производство, включая военную документацию в центре и на местах, в том числе в полках, базировалось на нескольких тысячах профессиональных чиновников, дьяков и подьячих. Они получали, помимо общего образования, еще и специальное (благодаря чему можно с первого взгляда отличить документацию Поместного приказа от Посольского и т. п.)⁸³. К нему надо прибавить прослойку площадных подьячих и стряпчих, служивших для связи частных лиц с машиной казенного дело- и судопроизводства. По их изобилию во всех городах России, и особенно в Москве, нельзя сказать, что обращавшееся к ним население было неграмотным. Скорее, речь идет о специальных знаниях, которыми обладали профессиональные составители документов и ходатаи по делам⁸⁴.

Для дворянской конной части регулярной армии и даже для исключительно дворянского офицерского состава всех полков и рот само умение читать и писать не было зело нужнопотребным, по крайней мере, с точки зрения государства. Тем не менее, введение обязательной службы, обыкновенно ошибочно приписываемое Петру I, было серьезным фактором

⁸² Богданов А. П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л., 1987. С. 105–114.

⁸³ См., напр.: Профессиональное обучение при московских приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С. 103 и след.

⁸⁴ См., напр.: Богданов А. П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. 2020. № 6. С. 111–121.

роста грамотности⁸⁵. Грамотность росла и в связи с другой важнейшей профессией дворянина: поместно-вотчинным управлением, которое все чаще, а после военно-окружной реформы почти всегда приходилось осуществлять на расстоянии, в письменной форме. В XVII в. были давно известны крупные дворянские архивы Б.И. Морозова, А.И. Безобразова и др.⁸⁶, из коих явствовало, что хороший хозяин лично и детально следил за поместно-вотчинной документацией. Сегодня мы располагаем сведениями о более чем трех сотнях дворянских архивов. Они отразили хозяйственную деятельность и культурные интересы всех (а не только высших) слоев служилых по отечеству⁸⁷.

⁸⁵ Разумеется, профессиональные высшие офицеры — вроде генералов Г.И. Косагова, А.А. Шепелева, М.О. Кравкова — потому и выслуживались из низших дворянских чинов, и даже попадали в Думу, что отлично разбирались в фортификации, артиллерии, картографии, могли на равных сотрудничать с иноземными инженер-полковниками и, собственно говоря, по мере профессионального роста заменяли собой наемных «начальных людей»: тех к концу реформы Федора Алексеевича осталось в армии менее 15%.

⁸⁶ *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Переписка стольника А.И. Безобразова 1687 года // *ЧОИДР*. Кн. I. 1888; *Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.* М. — Л., 1936; *Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова*. Т. 1–2. М. — Л., 1940–1945.; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова). М., 1965; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967; и др.

⁸⁷ *Морозов Б.Н.* 1) К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. // *Вопросы источниковедения и историографии истории СССР*. Дооктябрьский период. М., 1981; 2) Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*. М., 1981; 3) Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1982; 4) Частное письмо начала XVII в. // *История русского языка*. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982; 5) Записная книжка помещика XVII в. // *Советские архивы*. № 5. 1983.; и др.

Исторические материалы, тесно связанные с обоснованием дворянского родового права, занимают в этих архивах весьма видное место⁸⁸.

Общий интерес россиян к истории резко усиливался у дворянства профессиональным интересом. Ведь для служилого по отечеству сохранение памяти об этом самом «отечестве», месте своего рода в истории было составляющей процесса добывания средств к существованию, особенно важной в момент консолидации класса служилых феодалов, отбрасывавшего от себя промежуточные и деклассированные слои. Между тем летописи, хронографы и вообще «старинные книги» с историческими известиями, так или иначе отражавшими службу дворянских родов, еще в XVI в. признавались достоверными свидетельствами — наравне с царскими грамотами и разрядными книгами — не только широкими кругами дворянства, но и судьями в местнических спорах (которые были дворянами же)⁸⁹.

Это не удивительно, учитывая изобилие «частных» редакций разрядных книг⁹⁰ и удобных тому или иному роду «списков» государевых грамот, поминальных записей и т. п. Важно, что и в конце XVII в., при мобилизации фамильных архивов для составления росписей в Палату родословных дел, исторические сочинения употреблялись в доказательство

⁸⁸ *Морозов Б.Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // *История и палеография*. М., 1993; *Кошелева О.Е., Морозов Б.Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в.; и др.

⁸⁹ См.: *Маркевич А.И.* О местничестве. Ч. I. Киев, 1879. С. 296.

⁹⁰ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962; и мн. др.

дворянских притязаний⁹¹. Именно благодаря последним и появилась замечательная научная «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова, основанная на многих десятках фундаментальных античных источников и трудов Нового времени⁹².

Высшие достижения ученой мысли России перед реформами Петра I, когда появились первые вполне научные исторические монографии⁹³, были сформулированы и утверждены царем принципы автономного сословного университета⁹⁴, а государственное значение образования и науки признаны на высшем государственном уровне⁹⁵, не характеризуют уровень образования в России в целом. Это были индивидуальные достижения выдающихся ученых и просветителей, вне рамок каких-либо школ и ученых групп. Серьезное воздействие на общество оказали только достижения в воспитании и образовании царской семьи.

Образование в царской семье

Царский «Верх» в Кремлевском дворце в XVII в. отчетливо обозначал Рай, а маленькие царевичи и царевны воспринимались как его небесные обитатели. Им ни в чем не было отказа. Забота об их

игрушках, картинках, книжках, об убранстве палат и «верховых садов» была тем более искренней, что товарищами их игр и учебы были отпрыски знати. А коллективно создаваемый образ жизни «маленьких ангелов» был отражением идеальных представлений царской семьи и «ближних людей» о том, как должны воспитываться дети. И служить примером для их собственных семей, для заботы о своих детях и внуках.

На самом «верху» дворянского сословия, в царской семье, дети учились так же, как и во всех домах знати: с помощью приставленных к ним воспитателей и учителей, специально приобретенных и изготовленных учебных пособий. Ни у кого не возникало сомнений, что царевичи и царевны должны быть обеспечены лучшими учебными пособиями, издание которых — счастье для всех россиян. Именно так произошло с Букварями. Они снова и снова, все более совершенно, разрабатывались для царских детей, а затем издавались на пользу «всех хотящих учиться мужей и жен, отроков и отроковиц», пока в конце века не был создан Букварь Кариона Истомина, образцовый для будущих поколений россиян, до сего дня⁹⁶.

Основой раннего обучения была наглядность, которую в полной мере воплотил в жизнь этот Букварь. Первоначально, начиная с детей Михаила Федоровича и завершая юным Петром Алексеевичем, царевичам и царевнам закупались у московских торговцев десятки, а иногда даже сотни иностранных гравюр и акварелей, изображавших разные стороны жизни

⁹¹ Напр.: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 148–151.

⁹² Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Богданов А.П. М., 1994.

⁹³ Детально: Богданов А.П. От летописания к исследованию.

⁹⁴ Богданов А.П. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио: Журнал для ученых. 2016. № 5. С. 60–76.

⁹⁵ Богданов А.П. Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII века // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. Вып. 2. М., 2018. С. 11–31.

⁹⁶ Детально: Богданов А.П. Учёба царских детей XVII в. С. 224–256.

мира. Этих картинок, планов и чертежей было настолько много, что ими в 1680-х стали просто обивать потешные комнаты⁹⁷. Однако еще в 1660-х при дворе владела идея создания собственных живописных книг, в которых продуманное содержание соответствовало бы великолепию художественной работы лучших царских мастеров.

Двухлетний царевич Федор Алексеевич (род. 30 мая 1661) первым получил такие книги. В 1663 г. для него была создана большого формата книга, «а в ней писаны жития Алексея Человека Божия, да Марии Египетские, да житие царевича Иосафа, в лицах, в десть». Книга о святых, тезоименитых отцу и матери, и заморском царевиче так заинтересовала Федора, что

⁹⁷ «Потешные листы» в 1634 и 1637 гг. покупались для царевича Алексея Михайловича, которого боярин Борис Морозов учил посредством гравированных картинок, «изображавших разные достопамятные предметы в мире» (Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 10). Забелин уточнил, что в 1634 г., когда Алексею было 6 лет, ему были куплены в Овощном ряду «немецкие печатные листы», а в 1635 г. — «тридцать два листа писанных (раскрашенных. — А.Б.) немецких и русских». «Во дворец, — сообщает он, — их покупали для государевых детей, вместе с игрушками. Малолетние царевичи и царевны, забавляясь с этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и проч. Таким образом, например, в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 году, висело «пятьдесят рамцов со листами фряжскими» (итальянскими). «Так обиты были фряжские листы по стенам в комнатах царевен в 1680 г. и в деревянных хоромах царя Федора в 1681 г.». В 1682 г. гравюры были ещё более широко использованы на стенах палат Петра. «В том же 1682 г. в хоромы царевича Петра Алексеевича взято сто листов фряжских». Аналогично на стены вешались чертежи и географические карты «всего света», его «частей» (континентов) и «царств». «Картины, эстампы, географические чертежи... не составляли принадлежности одного дворца, но проникали, хотя и редко, и в боярские дома». «Потешные бумажные листы» имелись и в палатах царевича Алексея Петровича (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 1915. С. 80, 617; Ч. I. М., 1895. С. 219–223).

в сентябре 1665 г. царь приказал ее реставрировать и заново переплести. Книга понравилась всем. В 1668 г. по заказу царицы Марии Ильиничны с нее были сделаны две лицевые копии, видимо, для родившегося в 1665 г. царевича Симеона и появившегося на свет в 1666 г. Ивана⁹⁸.

Опыт с книгой, увлекшей царевича Федора, сразу стали развивать. К весне 1664 г. государевыми живописцами были изготовлены и мастерами переплетены сразу четыре «потешные книги» для «меньших царевен»: дочерей Алексея и Марии: Феодосии двух лет, Марии четырём, Екатерины шести и Софьи семи лет⁹⁹. А 8 декабря 1664 г. художникам велено было создать «потешную книгу, чтоб перед прежней была больше вдвое, и писать на ней иным образом, иные прибавые (т. е. добавочные. — А.Б.) статьи»¹⁰⁰.

Сохранившиеся наброски тематиче-ских рисунков, к которым художники почти печатными буквами («уставом, добрым мастерством») писали подписи, говорят о том, что *Большая потешная книга* была настоящей живописной энциклопедией. Первой темой книги было военное дело. Её открывал прапорщик со знаменем, на следующем листе были по два барабанщика и трубача, далее — сержант с двумя мушкетерами. На следующих картинках демонстрировались разновидности пехоты, кавалерии, артиллерии и сцены инженерных осадных работ. Второй темой служил быт города с работой, времяпровождением и развлечениями населения,

⁹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 171–172.

⁹⁹ Там же. С. 101, 178–179. 12-летняя Марфа и 14-летняя Евдокия уже вышли из возраста «потех».

¹⁰⁰ Там же. С. 174.

в том числе охотой. От охоты логично совершался переход к птицам и зверям средней полосы, юга (со львами, крокодилами и обезьянами) и севера. После кита, моржа и белого медведя ребенок видел корабли и труды человека на море, морскую войну. Затем — большую серию этнографических картинок жизни и внешнего вида людей разных народов (от немцев до арапов). Наконец — сцены из русского быта, вплоть до разных видов мельниц, изготовления хлеба и раздачи его нищим. Завершающей темой были дети: на картинках они учатся грамоте и мастерству, едят, гуляют в саду, путешествуют на корабле, в рыдване и телеге, на конях и т. п.¹⁰¹

Опыт удался на славу. Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична сами полюбили изобретенные ими детские книги. В 1665 г. государев живописец Степан Рязанец возглавил масштабную работу по рисованию царским детям красочных книг, в которой приняли участие Симон Ушаков, Федор Евтихеев и др. выдающиеся художники, всего 9 человек. 13 декабря они получили жалование: по 7 копеек в день каждому за 67 дней работы над «потешной книгой». В другой сходной работе участвовало уже 17 царских живописцев. Тогда же Федор Матвеев и с ним 10 человек 76 дней писали «потешную книгу в четверть листа» для царевича Федора Алексеевича. Работы, как видим, были поистине гигантскими. Затем в октябре «книжного дела мастер» Савва Афанасьев переплел «книгу потешную в четверть» в палаты царя, а в декабре — «книгу потешную в четверть листа» в хоромы царицы

Марии Ильиничны. Наконец, сохранилась еще одна роспись сюжетов потешных рисунков. Не столь масштабная, как Большая потешная книга, эта книжица содержала массу картинок из русской и экзотической жизни: от защиты от медведя вилами до «мужика на верблюде», «птицы грифа» и охоты с собаками на льва¹⁰².

Живописные книги, рисовавшиеся с использованием западных гравюр, но русскими мастерами и с царским качеством, надолго заменили государевым детям покупные потешные картинки. К концу 1668 г. живописец Федор Матвеев создал потешную книгу для «меньших царевен». В 1670 г. царевич Федор знакомился с живописным «Душевым лекарством». В 1672 г. иконописец Петр Афанасьев нарисовал царевичу Федору две потешные книги на тему «люди с боем», а в 1675 г. иконописец Иван Филатов — еще одну «потешную книгу» для Федора¹⁰³. В то время как этими книжками увлекался царевич, уже получивший образование и сам приглашавший «книгописцев» в свою «учительную полату» писать красками¹⁰⁴, в 1675 г. две потешных книги получила достигшая двухлетнего возраста царевна Наталия¹⁰⁵.

¹⁰² Там же. С. 173–174, 178–179, 617–618,

¹⁰³ Там же. С. 172, 117, 120. Ср. с. 604.

¹⁰⁴ В августе 1674 г. для них были куплены 50 разных кистей, 50 горшочков и краски (там же. С. 616).

¹⁰⁵ Там же. С. 101, 117, 136, 179. Иллюстрированными книгами увлекались не только дети. В 1670 г. царь Алексей заказал живописцам Троице-Сергиева монастыря копию иллюстрированной книги «Лекарство душевное». В 1674 г. для пожилой царевны Ирины Михайловны была расписана книга «Начаток о Сотворении света» (там же. С. 172). Популярным среди придворных изданием Печатного двора была иллюстрированная книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, — полный перевод труда И. Вольгаузена «Военное искусство пехоты».

¹⁰¹ Там же. С. 174–177.

Красочный рассказ Н. П. Крекшина, как будущий «князь-папа» Никита Моисеевич Зотов учил маленького царевича Петра путем рассматривания «книг с кунштами зданий, и взятие(м) городов, и боев, и прочих наук», картинок и гравюр¹⁰⁶, имеет реальную основу именно в книгах, впервые разработанных для его старшего брата¹⁰⁷. Ирония истории видится в том, что в руки царевича и царя Петра не попала имевшаяся во дворце «Книга царственная в лицах», в которой И. Е. Забелин видел главное подтверждение обучению Петра по иллюстрированным пособиям (что и подвигло ученого собрать массу материалов о «потешных листах» и «потешных книгах»). Зато царь Федор внимательно читал этот замечательный Лицевой летописный свод и высоко ценил его

¹⁰⁶ Сахаров И. П. Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 21. Под «Книгой с кунштами зданий» может иметься в виду «книга Архитектура строгая немецкая в лицах», которую брали в Оружейную палату из Воскресенского монастыря и 19 июня 1680 г. вернули (С. 610). Однако архитектурой очень увлекался и старший брат Петра, царь Федор.

¹⁰⁷ Задолго до появления Зотова, для 11-месячного царевича 6 костромских иконописцев делали с 10 по 13 мая 1673 г. «потешную книгу», которая уже 16 мая была переплетена. 8 января 1675 г. живописец Тимофей Рязанец сделал для 3-летнего царевича «потешную книгу» в 4°. 2 июня 1676 г. живописец Никифор Бовыкин написал ему книгу шафраном на толстой и гладкой доброй бумаге, а 20 июня живописец Федор Матвеев нарисовал 4-летнему Петру еще одну «потешную книгу», расцветив ее золотом. 19 декабря 1679 г. выдающийся живописец Карп Золотарев нарисовал царевичу на большом «александрийском листе красками и золотом: двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в столовой (палате) в подволоках написано». 15 января, 17 февраля и 12 октября 1680 г., когда Петр уже более двух лет занимался с Зотовым, иконописец Тимофей Рязанец писал и расцветивал шафраном «потешные тетради» царевича. Видимо, это было связано с обучением 8-летнего Петра письму: «царевичевы буквари» (прописи) были переплетены 15 марта 1680 г. Другую «азбуку учебную» и чернильницу царю Петру купили 19 февраля 1684 г. (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 89, 167, 179, 228–229, 224, 615).

миниатюры. В 1679 и 1680 гг. его личные покои и «новые деревянные хоромы государынь царевен» были украшены «живописными притчами» «из Царственных книг». Работы выполнялись лучшими живописцами: Карпом Золотаревым, Богданом Салтановым, Иваном Безминым и Питером Янглосом. Ни о какой передаче не переплетенных листов ребенку Петру не было и речи!¹⁰⁸

Отправная точка поисков Забелина оказалась ошибочной, зато собранные им материалы о значении «потешных листов» в воспитании царских детей — бесценны. При жизни царя Федора, 11 марта 1680 г., царевичу Петру было куплено потешных

¹⁰⁸ Уточнив наблюдения Забелина и дополнив их значительным количеством архивного материала, мы с А. М. Пентковским проследили всю судьбу «Лицевого свода» с XVII до первой трети XIX в. (когда его части оказались в современных местах хранения). В частности выяснилось, что царь Федор Алексеевич велел реставрировать Книгу царственную и раскрасить «не выцветенные» в XVI в. миниатюры вовсе не для школьных занятий младшего брата. Подобно своему отцу, заботившемуся о сохранности бесценного памятника истории и указавшему сделать для огромной рукописи сафьянные футляры (1671), Федор велел мастерам привести ее в порядок: 1072 миниатюры раскрасить, а изветшавшие листы начальной части реставрировать. Перед скоростной смертью 27 апреля 1682 г. Федор Алексеевич успел распорядиться о передаче Книги царственной из своей «комнаты-книгохранильницы» в Мастерскую палату. Свод избежал постигшего библиотеку Федора разграбления родичами Петра. Он был заперт царевной Софьей в Мастерской палате и дважды там зарегистрирован, причем к нему вернулся изысканный и переплетенный Никоном Хронографический сборник. Лишь после свержения правительства регентства в 1689 г. Книга царственная была, наконец, растащена, причем Хронографический сборник попал-таки к Петру и был подарен им в 1724 г. его дочери Наталье. По другой части листов свода учил царевича Алексея Петровича Карион Истомина, лично (а не через окружение Петра) взяв эту рукопись и затем вернув на Печатный двор. Основная же часть памятника была просто разворована и осталась Петру неведомой... Подробно: Пентковский А. М., Богданов А. П. Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 61–95.

листов всего на 10 коп., зато сразу после его смерти, 29 апреля 1682 г., стольник Т.Н. Стрешнев принес новоиспеченному царю сразу «сто листов фряжских»¹⁰⁹. Скорее всего, гравюры предназначались для покрытия стен, как это было сделано в 1680 г. в комнатах царевен и новых помещениях над Царицыной Мастерской палатой, в 1681 и 1682 гг. — в хоробах царя Федора Алексеевича.

Это украшение, с восторгом описанное в XVIII в. Н.П. Крекшиным в рассказе об обучении Петра, оказалось столь дешево, что в 1685 г. в «верхних каменных чердаках» Теремного дворца гравюры просто наклеили на стены, хотя раньше прибавали лужеными гвоздиками на основу — «дорожник»¹¹⁰. Но скорее всего Крекшин в повествовании, как Зотов водил юного Петра по комнатам, разъясняя историю и географию по заинтересовавшим царевича изображениям и чертежам, в бóльшей мере имел в виду «писанные по полотнам» карты стран и частей света (континентов), историко-аллегорическую живопись и портреты-парсуны, вошедшие в моду при дворе в 1660-х и сплошь покрывшие стены дворцов в 70-х гг.¹¹¹

Увлечение отца и матери царевича Федора большими яркими книгами, сначала из одних иллюстраций, для устного общения с ребенком, а затем из картинок с подписями, не означало, конечно,

что они вдруг откажутся от развивающих игрушек. Начиная с детей Михаила Федоровича, царевичи и царевны имели для игр и развлечений все, что только мог вообразить изощренный ум россиян. В символически поднятом над брэнной землей «Верху» дворца и красивейших местах Подмосковья мальчики и девочки царственной семьи имели свои детские комнаты и прекрасно оснащенные игровые площадки. Их оформление, мебель и бесчисленные «потешные» предметы изготовлялись из золота и серебра, драгоценных пород дерева, тканей и мехов, изысканно расцветивались камнем, жемчугами и красками. Внутри «потешек» были скрыты механизмы, благодаря которым они звучали и двигались.

Вносимые «в Верх» «потешки» представляли лучшие достижения мастеров России, Востока и Запада. Даже чиновники дворцового ведомства, писавшие документы об оплате, хранении и реставрации предметов детского обихода, писали о них с явным восторгом и умилением, отмечая множество лишних для дела деталей и излагая в казенном тексте свои никому не нужные тогда, но бесценные для нас впечатления. Удивляться лирическому настрою суровых приказных дельцов не следует. Они, как все русские, обожали красивые и умные игрушки. Разноцветные сафьянные, бархатные и шелковые мячики с бубенчиками внутри, расписные волчки, вертушки и кубари со шнурами для запуска из шемаханского шелка с золотыми прядями, мягкие или движущиеся и звучащие зверушки и человечки, всевозможные музыкальные инструменты, кони и качели, санки и возки, широчайших набор кукол и игровых предметов служил

¹⁰⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 229. Кроме того, для Петра забрали немало иллюстрированных книг из библиотеки покойного Федора, в том числе «О луне и всех планетах небесных» и «Персонник на латынском языке» с портретами исторических лиц (там же. С. 604–605 и др).

¹¹⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. Ч. I. С. 220–221.

¹¹¹ Там же. С. 215–219, 221–222.

развлечению и физическому развитию ребенка, выработке у него полезных в жизни навыков и знакомству с огромным миром за пределами двора, а у царских отпрысков — дворца.

Ряженные куклы веками служили для демонстрации новых стилей платья¹¹². Московский двор еще при Михаиле Романове позволял себе закупать и шить для популярных тогда «ряженных» актеров иноземные костюмы (их хранилось в казне до 200 комплектов), но не всегда приличные представления с их участием мало касались детей¹¹³. С внешним видом разных народов и социальных групп царских отпрысков знакомили куклы, в том числе механические, часто изображавшие живые сценки жизни «немцев» и российских подданных.

Самые богатые куклы были у девочек: одни двигались и издавали звуки сами, других надо было сажать в креслица и за стол, укладывать в кроватку или колыбельку. Взятая наугад запись 1640 г. рисует куклу, которая «на кровати лежит на перине, одета одеялом бархат червчат,

¹¹² Еще римляне для демонстрации столичной моды рассылали по провинциям «фигуринь» (раскрашенные глиняные куклы ростом от 8 до 25 см.). Французские куклы-«маркизы», перевозившиеся по Европе в особых каретах для показа мод, известны в XVII–XVIII вв., но стремительное распространение новых стилей можно начинать с бургундской моды середины XV в., в считанные годы, как молния поразившей Европу к западу от Эльбы. Манекены (от фламандск. *maeneken* — человек) утратили антропоморфность и обрели натуральные размеры в XIX в., а люди-манекенщики завоевали подиум лишь в прошлом столетии. Процесс смены европейской моды в период, когда о ней не принято было писать, показан по изобразительным и музейным источникам Чехии, входившей в состав империи Габсбургов: *Кибалова Л., Гербенкова О., Ламарова Е.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.

¹¹³ *Шамин С. М., Дженсен К. Р.* Иноземные потешники при дворе первых московских царей // *Российская история.* № 1. 2018.

около одеяла каймы обьярь вишнева». Другие «две куклы сидят в креслах, около их травки червчеты, на травех цветки белые, головами, и руками, и ногами шевелят». О тонкости их изготовления говорит запись того же года, что у куклы «девка сидячая в креслах зеленых, на ней платно тафта ала, у рук по персту переломлено, — рука испорчена», надо починить. Ремонтные записи вроде той, что у куклы «на голове череп выломан», свидетельствуют, что объёмные твёрдые части могли быть пустотелыми¹¹⁴.

Над кукольной мебелью, столовой утварью и украшениями (включая серьги и зеркальца) трудились лучшие мастера Оружейной палаты. В царской и царицыной Мастерских палатах изготавливались «съёмные» игрушечные одежды: летники, шубки, телогреи и пр., а также кукольные головные уборы, скатерти, коврики и полные комплекты постельного белья. Принимая эту роскошь, царевны с воспитательницами и подружками шили и сами: все XVII столетие в терема шел поток «лоскутов» драгоценных тканей «на куклы» или «на потешные куклы».

Не исключено, что именно сестры-царевны позаботились о необычной в палатах царевичей кукле, подаренной 14–15-летнему наследнику престола Федору в 1675 г. Ему была «сделана потешная баба деревянная нарядная, в кике низаной с камнем и с пелепелы и с рясы; и серьги, и ожерелье низаное с камени ж, и зарукавь низаное с камени ж, в летнике и шубке». Нравы двора в это время заметно смягчились, с легкой руки мачехи

¹¹⁴ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 100, 132.

Федора царицы Наталии Кирилловны (Нарышкиной) устраивались даже танцы, а единокровные сестры царевича (по матери Милославского) были заинтересованы, чтобы он несколько оторвался от наук и обратил внимание на дам. Не исключено, что будущий государь, проведенный в начале 1680-х гг. реформу придворной мужской и женской одежды, искренне заинтересовался именно платьем русской куклы-«маркизы». А может, он просто любил красивых кукол. По крайней мере, в разгар государственных реформ в ноябре 1680 г. для него за большую цену в 15 руб. был куплен «потешный человек, сделан из ярого воска, в немецком платье, с соколом»¹¹⁵.

Мужчины обожали технические игрушки. Еще царь Михаил в 1630 г. не смог пройти в торговых рядах мимо немецкого потешного сада из черного дерева с «птичками всякими»: купив игрушку, он послал «потеху» жене для 3-летней царевны Ирины. К 8 годам у царевны, помимо обычных игрушек, накопилась груда ценных подарков от отца, матери, брата Алексея, деда — патриарха Филарета, и даже суровой бабки, инокини Марфы Ивановны. Среди них был золотой крылатый змей: «у змея в голове изумруд четверуголен, а очах две искорки яхонтовые, во рту держит человечью голову». Из золоченого серебра были выполнены «немки», держащие в руках разные сосуды, и «мужик с лошадыю и сохой». Из ювелирных зверей царевна имела попугая, тельца, птичек, оленя, «левика» и барашка.

Золоченый серебряный кораблик на колесах был в 1633 г. подарен царевичу Алексею, а уж тот вручил его сестрице. Щедрость

будущего государя объяснялась тем, что у мальчика были и более сложные серебряные кораблики, в том числе трехмачтовый, с цветными знаменами и литыми матросиками: 10 ходило по палубе, 6 карабкались на ванты и 2 следили за горизонтом на верхушках мачт. О качестве игрушек, подносимых царским детям в праздники, говорит его же «пистолетик золот, навожен финифтью, на цепочках с кольцом, осыпанных червчатými яхонтиками; на ложе, и на яблоке, и у ствола в гнездах искорки яхонтовые». Часть «подарочных» игрушек предвосхищала изящные работы мастерской Фаберже: например, птица с туловищем из страусино-го яйца, у которой голова и конечности были выполнены из резного серебра.

В первой половине столетия механические игрушки не отличались сложностью. Так, царевич Иван Михайлович играл стеклянным «кубочком», в котором на винтике поворачивался барашек. Другая «скляница потешная» представляла собой музыкальную шкатулку: «в ней люди играют в мусики, да виноград (сад) и птицы». Раскрашенная восковая «немецкая рота» в ящике не двигалась. Только в 1666 г. 6-летнему царевичу Федору за огромную цену в 30 руб. был куплен у немецкого купца механический медведь, «который бьет в барабан»¹¹⁶.

Музыкальные шкатулки и музыкальные инструменты с механическими приспособлениями покупались царским детям конца XVII в. Первоначально «хитрые» инструменты были народными, в основном украинскими, вроде «рыле»: скрипки с колесом вместо смычка и клавишами. У детей Михаила Федоровича были

¹¹⁵ Там же. С. 84.

¹¹⁶ Там же. С. 82, 84.

довольно сложные музыкальные шкатулки. Сам царь услаждался и детей развлекал сделанным немецкими мастерами органом, безумной цены 2676 руб., на котором соловей и кукушка «поют собою без человеческих рук»¹¹⁷. В 1641 г. «царица Евдокия Лукьяновна пожаловала дочери своей царевне Ирине цинбалы невелики, сделаны в дереве в черном, теремчаты (т. е. в виде терема. — *А.Б.*), немецкое дело; наверху сделано три мужичка: немец да две немочки, — во влагалище в деревянном; облачено кожей»¹¹⁸. Были «самоигральные потешные» западные инструменты, в том числе механические со «стальными иглами» (для считывания мелодии с металлической пластины): органы, цымбалы и клавикорды «немецкого дела», и у детей Алексея Михайловича¹¹⁹. Но воистину массивная закупка познавательных механических игрушек отражена только в документах последних лет жизни царицы Наталии Кирилловны (1693–1694), усердно занимавшейся воспитанием царевича Алексея Петровича¹²⁰.

¹¹⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. VIII. СПб., 1884. № XL. С. 284–285. Оригинал: РГАДА. Ф. 150. Оп 1. 1638. Ед. хр. 3. 19 л.

¹¹⁸ *Ройзман Л. И.* Орган в истории русской музыкальной культуры. М., 1979. С. 54.

¹¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 89–91.

¹²⁰ В 1693 г. она подарила 3-летнему внуку «городок» с движущимися людьми, «на кругу строй мужиков» и «строй стрелецкий с барабанами и знаменами», а также маленькую коляску, мельницу, «лошадку с мужиком» и «шатрик с беседкою». Судя по тому, что упомянутая последней «потешная беседа» из «семи личин разных деревянных» потом дважды чинилась, ребенок играл в нее активно. Механические игрушки, в которых действующие лица и группы вроде военного строя пространственно взаимодействовали, составили по воле царицы целый класс «потешек» ее внука (имевшего и весь ассортимент традиционных игрушек). Сначала их изготавливали русские умельцы. За «городок с проходящими мужиками»

Мальчики больше любили не одевать, или вооружать, или заводить, а передвигать человечков. Единственным,

Василий Крылов получил 3 руб. (цену рабочей лошади), а «потешный городок» стрельца Алексея Васильева был оценен в 4 руб. 16 алт. 2 д. (4 р. 50 коп.). 7 ноября 1693 г. иноземцу Ивану Гану было приказано сделать для царевича «городок костяной с болясками, в том городке беседа кукол немецких», причем «на дело тех кукол» мастер купил «лент и кружев немецких» на 60 коп. К этому времени царевич, ездивший с бабкой в Преображенское, был одарен новыми механическими игрушками, купленными за 2 руб., надо полагать по дороге: шатриком с коньками, собачкой ходячей, толкущей в ступе немкой и еще двумя «немочками с лоточками» (9 ноября). 29-го числа было выплачено за «потешки», купленные «в комнату» царевича в Преображенском: «за мельницу с толчеями 3 руб.; за мельницу ж с коровками и голубями 2 руб. 16 алт. 4 д.; за беседку, что учатся грамоте, 23 алт. 2 д.; за городок с беседкой же, что посреди городка вертится вкруг, 3 руб. ... да за каретку с конями да с людьми 3 руб.». Цены говорят в пользу отечественного производства игрушек: за иноземные «потешные вещи» иноземному купцу Яну Балтосу было выдано 10 декабря аж 40 руб.! По возвращении в Москву Наталия Кирилловна взялась за переустройство Потешной комнаты царевича. Царским плотникам велено было «денно и ночью с поспешением» работать над деревянным домиком 2х2 аршина, высотой 2,5 аршин (ок. 178 см.). У него была двускатная крыша, навесная дверь, на трех сторонах по 2 слюдяных окошка в наличниках, внутри — лавки с опушками. Игрушка понравилась, и 4 января 1694 г. царевичу была заказана вторая «потешная избушка» того же размера. Среди закупленных в декабре и январе механических игрушек были «бьющиеся» козлики и «бабы пряжи», два «городка с беседкой», «башня с тремя беседками», «потешный городок с башнями» и «беседка с попом». В феврале царевич получил «городок с полковниками и с кузнецами», а также играющего музыку «мужика» с движущимися куклами. В марте — «городок с коньками», «кузнецов», «коляску с немками» и псарей с движущимися собаками. В июне — «потешный городок с полком», в августе — игрушечный домик с мельницей, приводящей в действие толкушку, и «кузнецов». В сентябре 1694 г. в поле зрения руководства Мастерской палаты попал мастер Огородной слободы Петр Иванов. У него был куплен целый ассортимент механических «потешек» в народном духе, на современный взгляд то ли не вполне педагогичных, то ли слишком продвинутых. Кроме псарей с бегающими собачками, ткачихи, двух прях, «городка с медведем», бегающих на колесе секачей и мельницы с жерновами, мастер натурально изобразил роженицу и для нее «потешную родильницу с чердаком». За все это мастер получил солидные деньги — 20 руб. (*Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 85, 578–582).

да и то пришедшим из старины предметом со всеми «живыми» деталями в их игровых комнатах были кони, дарившиеся каждому царевичу в годовалом возрасте и остававшиеся при них даже в школьные годы. Большие деревянные кони на доске, катавшейся на железных потайных колесиках, выполнялись из крашеного дерева с точным воспроизведением мельчайших деталей сбруи (лишь железо иногда заменялось серебром), так что царевичи с детства учились их взнуздывать и седлать. Последний такой конь был сделан для царевича Алексея Петровича в 1691 г.¹²¹

Мальчики играли в охоту (для чего 6-летнему Алексею Михайловичу была в 1635 г. сделана «потешная свора»), а более всего — в войну. В солдатики пускались даже художественно выполненные из слоновой и моржовой кости тонко расписанные шахматные фигурки. У каждого царевича было несколько комплектов шахмат, но шестилетнему Алексею Алексеевичу в 1660 г. понадобилось еще 12 коней, которых пришлось изъять из запасов: «из розных шахмат польского дела». Почему «выбрать» пришлось из польских шахмат, догадаться легко: фигурки изображали всадников, а царевичу не хватало кавалерии¹²².

Пушки для игры в комнатах делались деревянные (по-видимому, для стрельбы мячиками) и расписывались красками, золотом и серебром, так же, как огромные запасы игровых ружей, пистолетов и карабинов, бердышей, алебард, копий, топорков и буздуганов. Липовые булавы

золотились сплошь. У мечей, сабель, палашей, тесаков и шпаг золочеными были перекрестья и рукояти: клинки повелевалось «присинить» под цвет оружейной стали. Царевич Иван Михайлович с двух лет (1635) имел свое знамя из тафты червчатой, лазоревой и белой, как триколор. И его последователи долго строили товарищей по играм под один «великий стяг». Лишь для двухлетнего царевича Петра его брат Федор Алексеевич велел в 1674 г. изготовить еще пять «знамен маленьких» и четыре «прапорца» для более дробного устройства «потешного» полка. Число барабанов было доведено до шести, а набатов (конных литавр) — до двух. Судя по 12 бердышам и 40 копьям, которые в июле 1674 г. расписывал один живописец Богдан Салтанов, войско юного Петра было не маленьким¹²³. При всей «военизированнойности» воспитания царевичей, настоящего стального оружия они почти не видели¹²⁴. Документы свидетельствуют, что даже царевич Петр использовал «пистолы, карабины, пищали винтованные, — замки и стволы деревянные», а мастера «сабельного дела» изготавливали русские и иноземные клинки «из клену и из липы»¹²⁵.

Судя по игрушкам, особенно поощрялись в царской семье активные игры. Мальчики воевали, вместе с юными отпрысками знатнейших родов охотились на золоченых расписных львов (их было

¹²¹ Там же. С. 82–83.

¹²² Там же. С. 87, 88.

¹²³ Там же. С. 94–95, 639 и др.

¹²⁴ Выставленный в Оружейной палате маленький шлем «заправского дела» (а не потешный) подарил 3-летнему царевичу Ивану Ивановичу в 1557 г. его не вполне нормальный отец Иван Грозный. Экспонируемый там же полный рыцарский доспех для пятилетнего царевича Алексея Михайловича — мечта любого мальчишки — был изготовлен немецким мастером в 1634 г. в Москве (там же. С. 93).

¹²⁵ Там же. С. 207–208.

пять), которые, видимо, нападали на «пятиртых барашков и двух козликов». Стреляли из луков в войлочные мишени, в подброшенную шапку, по золоченым голубям, раскрашенным «по серебру разными цветными красками».

В век огнестрельного оружия, в изготовлении и украшении которого мастера Оружейной палаты были из первейших в мире, царевичи предпочитали архаичный лук. Понятно стремление взрослых избежать пальбы во дворце. Но царская семья регулярно выезжала за город и в теплое время года подолгу жила в дворцовых селах, где для пальбы было раздолье. Просто при Московском дворе именно стрельба из лука приобрела характер тщательно культивированного спорта, физически развивающей игры.

Луки членов царской семьи были настоящими произведениями искусства. Красные и белые, лазоревые и червчатые, золотые и серебряные луки конструктивно делились на *обычные*, *мешецкие* и *маленькие*, и украшались разнообразнейше. Один из трех собственных луков, взятых шестилетним царевичем Федором за город летом 1667 г., выглядел так: «лук по алой кибити (древку изнутри. — А.Б.) писан золотом, на нем два орлика двояглавые в клеймах, писаны травы на буйволовох костях (на жестких концах лука, игравших роль рычагов. — А.Б.), с лица писано золотом — травы (растительный орнамент), тетива шелковая красная с золотом».

Учитывая, что лучной стрельбой увлекался еще Михаил Федорович, ко времени Федора Алексеевича правила игры устоялись. Стрелы были специализированы и назывались по форме копейца

(наконечника): *томары*, *срезни*, *свисты* и *северги*. Игровое копейцо делалось из слоновой кости или серебра (с подчеканом, резьбой, позолотой). Древки были яблоневые, березовые, буковые, редко чинаровые — золоченые или шафрановые (но с золотой каймой у наконечника), с ушками (для упора в тетиву) из рыбьей кости (с золотом, бирюзой). Перья были обязательно орлиные — белые и красные хвостовые или черные из крыльев. Целями служили белые войлочные колпаки, которые подбрасывались в воздух или устанавливались на спицах и расписных древках (по одному на стрельца).

Поскольку в игре с царевичами принимали участие все стольники, стрел требовалось множество. Царевич Алексей Алексеевич брал с собой в Преображенское в 1666 г. из Оружейной палаты (помимо того, что имел в комнатах) 13 луков, 14 древок, 4 спицы, 6 колпаков и 40 *гнезд* (колчанов) стрел — по 25 штук в гнезде. В апреле 1667 г. он вернул в Оружейную 30 гнезд стрел царских и 12 стольничьих с указом их к нему в хоромы не отпускать, отдать, если потребуются, царевичу Федору. Хотя летом 1667 г. из стрел Алексея 16 гнезд было «нового дела», он начал, видимо, охладевать к игре, ибо взял в Преображенское лишь 8 луков, а гнезд стрел — всего 8 своих да 20 стольничих. Впрочем, немного луков и стрел делалось для компании царевича Алексея вплоть до весны 1669 г.

Богатство от потихоньку охладевавшего к игре старшего брата досталось Федору Алексеевичу. Он, напротив, все более входил во вкус стрельбы, избрав заветным местом Воробьевы горы, где недалеко от дворца был устроен «потешный

луг». По сохранившимся фрагментарным записям архива Оружейной палаты, царевичу был изготовлен новый лук в 1667 г. (он имел еще 3 своих и 3 стольничьих); стрельбище и 100 (!) гнезд стрел в 1669 г.; 15 гнезд стрел всех видов и 4 дровка в 1671 г.; 3 лука, 3 гнезда стрел и 3 дровка в 1672 г. Царевич продолжал стрелять из лука и в 1675 г., когда уже имел разнообразное действующее огнестрельное оружие, и после своего восшествия на престол.

Например, 3 июня 1677 г. 16-летний царь Федор «в походе за Ваганьковом изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам». Потеха была знатная: «пропало в траве и переломали 33 гнезда северег». 8 июня по пути с Воробьевых гор царь придал игре исторический характер: стрелы летели через Крымский брод на Москве-реке, будто дворяне отражали набег татар. Игра продолжалась «июня 10 в селе Покровском», «июня 15 в Преображенском в роще». Она даже отвлекала от благочестивых размышлений: царь «июня 21 в Соловецкой пустыни изволил тешиться и указывал из луков стрелять спальникам»¹²⁶.

Другой устойчивой страстью Федора Алексеевича были лошади. По обычаю царевичей, его посадили на большого игрушечного расписного коня, как только младенцу исполнился 1 год. Эта деревянная коняшка стояла в комнатах царевича, в починенном и обновленном виде, по крайней мере, до 11 лет¹²⁷.

¹²⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 586–590 (опись оружейной казны царевичей). С. 96–98, 121.

¹²⁷ Там же. С. 82–83, 92.

Тогда у Федора были уже «потешные сани, обиты исподом собольим пластинчатым», и узда; нарядное седло к игрушке было сделано в 1674 г.

Настоящие лошади, сбруя, кареты и возки всех видов держались для царской семьи на Конюшенном дворе. Его глава — *ясельничий* — бывал обычно не из первых родов, но мог весьма выдвинуться. Маленького Федора Алексеевича тешил учеными конями ясельничий Иван Афанасьевич Желябужский (известный дипломат и мемуарист) — эта его служба (1664–1668) окупилась затем важными и почетными должностями в царствование Федора и правление Софьи¹²⁸.

Под руководством ясельничего Федора Яковлевича Вышеславцева (1671–1676)¹²⁹ сотрудниками Конюшенного приказа были достигнуты удивительные успехи в дрессировке. Лошади «показывали много фокусов» наподобие ученых собак и обезьян, кланялись и плясали тройками, четверками, шестерками, а лучшие иноходцы рысью обходили коней, скачущих галопом. 75 верховых и 200 каретных коней ежедневно мылись с мылом (зимой теплой водой) и «блестели как зеркала». Специально для детских «потешных» карет и саней держали (помимо аргамаков, арабских, персидских, шведских и других пород лошадей) две четверки пони «ростом с английских догов» (в шутку к ним были приставлены

¹²⁸ О Желябужском и его записках см.: Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. С. 24–26, 201–327 (с публикацией текста).

¹²⁹ Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006.

карлики — кучер, ямщик и шесть алебардщиков)¹³⁰.

Пони были для малышей — подросткам царевичам давали лучших (предварительно хорошо выезженных) коней. Это не спасало от происшествий. Рассказывали, например, что «Федор, будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у своих теток и сестер. На сани на село их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всей своей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 г.) чувствует непрерывную боль в груди и спине»¹³¹. Этот рассказ иностранца изрядно преувеличен — доктора Аптекарского приказа таких жалоб у царя Федора не отмечали. Но происшествие, хотя и без серьезных последствий, могло иметь место при большой любви царевича и царя к лошадям. Как известно среди конников, кто не падал, тот не скачет. Умение понимать лошадей дается изрядным опытом ошибок и падений.

Федор Алексеевич сохранял любовь к лошадям всю жизнь. Уже в 1673 г. у него

было 27 прекрасно выезженных «потешных» лошадей. Хотя иностранцы не уставали восхищаться царскими конюшнями, фанатику коннозаводства Федору казалось, что породы недостаточно хороши и разнообразны. Почти сразу по вступлении на престол, 31 марта 1676 г., он выменял белого голландского жеребца у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунраада фан Кленка, и впоследствии выписывал лошадей из Западной Европы. Крупные, тяжелые западные кони были нужны для общего улучшения породы. Но более всего ценились турецкие боевые аргамаки, сочетавшие стать с ретивостью и выносливостью. Одного такого царь в 168/81 г. купил у греческого купца за 150 рублей — годовое жалование боярина¹³².

В конце 1677 г. государь получил, наконец, заказанный им в Посольском приказе еще весной перевод французского королевского трактата 1629 г. о выезде лошадей и коннозаводстве¹³³. «Выбор книги для перевода несомненно исходил от самого царя Федора Алексеевича — страстного любителя породистых лошадей»¹³⁴. К переводу были

¹³⁰ Койэт Б. Исторический рассказ или описание путешествия ... посла Высокомощных Штатов ... к великому государю ... Московскому // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

¹³¹ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли ... / М. П. Погодин, пер. с лат. Лавдовского // ЖМНП. Ч. 5. № 1. 1835. С. 72.

¹³² Койэт Б. Исторический рассказ. С. 471, 510; Дополнения к Актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. № 56. С. 133–134.

¹³³ «Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть искусство о яждении ... господина Антониа де Плуvinелла»: Российская национальная библиотека (далее — РНБ). Собр. М. П. Погодина. № 1717. Оригинал: *Insruction du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... A. de Pluvinell. Paris, 1629.* Над текстом с 9 марта до 11 ноября 1677 г. работали переводчики Посольского приказа Яков Гросс и Ефим Мейснер, при участии Андрея Андреевича Виннуса. (Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н. Гросс Леонтий // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 242–243).

¹³⁴ Зезюлинский Н. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 1. СПб., 1889. С. 53–54.

привлечены Яков Гросс, Ефим Мейснер и Андрей Андреевич Виниус, в это время — любимец царя Федора, организатор регулярной русской почты как части общеевропейской и реформатор Аптекарского приказа, впоследствии — один из виднейших сотрудников Петра I¹³⁵. Виниус в 1708 г. переведет для Петра трактат по механике, а в 1709 г. — учебник пушечной стрельбы «Описание артиллерии» (издан в Москве в 1710)¹³⁶. Гросс до смерти в 1694 г. успеет перевести, отвечая на увлечение Петра I, «Книгу огнестрельного художества», изданную И. Б. Лангрини, «Новейшее основание и практика артиллерии» Эрнста Брауна (Гданьск, 1682), изданное в Москве в 1709 г., и предисловие к трактату Казимира Симеоновича «Совершенное пушкарское ... художество» (Франкфурт, 1676) и голландское «Описание о художных огнедеяниях»¹³⁷.

Оба царственных брата, как видим, обращались к специалистам, найденным их отцом. Несколько различались лишь их интересы. Федор Алексеевич упорно интересовался коневодством, в связи с чем заказал и получил в 1677 г. еще и перевод «Книги конского учения с немецкого

языка на славянский язык»¹³⁸. Интересными образцами выездки и коннозаводства он считал французские и немецкие, а вовсе не польские, как напрасно думают современные авторы вслед за исследователями XIX в.

Активный интерес царя оказал заметное влияние на все дворянское общество. В этом смысле легко верить историку XVIII в. В. Н. Татищеву, писавшему о Федоре: «Как отец сего государя великий был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник. И не только предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам их обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Благодаря чему в его время всяк наиболее о том прилежал и ни чем более, как лошадыми, не хвалился»¹³⁹.

Впоследствии сам Петр I, который после поражения в Прутском походе 1711 г. пришел к пониманию важности коневодства для укрепления государства, выговаривал своему сыну Алексею, ставя в пример царя Федора: «Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и это не резон: ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят ... брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очами имел, чего для никогда бывало, ниже ныне есть

¹³⁵ Козловский И. П. Андрей Виниус. Сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911; Милуков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII веков: Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2000; Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007.

¹³⁶ Тарковский Р. Б. Виниус Андрей Андреевич // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 175–181. Речь идет о трактате Эрнста Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии» (Гданьск, 1682)

¹³⁷ РГАДА. Ф. 181. Собрание МГАМИД. № 255. Л. 1–255; № 259е. Л. 1–5; Ф. 159. Приказные дела новой разборки. 1694 г. № 747. Л. 1–3; ф. 159. Оп. 2. Ч. 2. № 4117. Л. 1.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 885.

¹³⁹ Татищев В. Н. История Российская. В 7-ми томах. Т. 7. М. — Л., 1968. С. 177.

такая здесь конюшня», не испытывавшая его попечения. «Видишь, не все трудами великими, но охотою»¹⁴⁰.

Петр, который в 1715 г., сам тяжело болея, писал это письмо своему больному сыну, преувеличивал болезненность старшего брата так же, как станут затем делать историки. На самом деле, за исключением периодических приступов цинги, когда у него распухали ноги, Федор Алексеевич вел весьма активный образ жизни. Он, вслед за отцом, увлекался охотой с ловчими птицами, которая, по отзыву наблюдательного иностранца, сочеталась у русских в его царствование с конским бегом и лучной стрельбой¹⁴¹. Царь весьма заботился о росте числа и улучшении породы ловчих птиц, которых по его указам доставляли даже из Сибири, а также о сохранении их поголовья в местах обитания. Отловленных сверх наказа птиц строго запрещалось продавать и требовалось отпускать на волю в их родных краях. Особое значение придавалось красоте птиц. Они действительно были великолепы, например: «перьем кречет с красна-голуб, а каплины белые; грудь бела, а каплины с красна-голубы; а крылья с красна-голубы же, а каплины красные; а на хвосте каплины белые, а хвост с красна-голуб же»¹⁴².

Физические упражнения были непременно связаны с эстетическим

удовольствием, и эстетическое воспитание достигалось всей окружавшей его с младенчества обстановкой. Прежде чем получить в руки ловчих птиц, царевич держал в клетке «о четырех жильях» канареек (1671), в следующем году ему были починены еще две канареечные клетки, летом 1674 г. «в Верх к царевичу сделана попугайная клетка из белого железа со столбиками и орлами».

Птицы были обязательной принадлежностью комнатного сада, который был у каждого члена царской семьи и служил предметом гордости. Царица, царевны и царевичи хвалились искусством выращивания цветов, трав, овощей и фруктов. Взойдя на трон, Федор Алексеевич заказал себе еще клетки: три большие попугайные и пять канареечных (1678). Уже в 1680 г. государь, перестраивая и расширяя дворец и его большие висячие сады, не забыл купить в свой «новый верхний сад» трех новых дорогих немецких канареек¹⁴³.

Помимо птиц, слух царевича услаждали музыкальные шкатулки (их чинили в 1670, 1672, 1673, 1674 гг.), клавикорды (починенные в 1675 г. старые и подаренные новые), «октавки», вновь устроенные «органы потешные» и иные «струменты», хранившиеся в особом месте¹⁴⁴. *Музыкальное образование*, начатое с игрушек и знакомых с младенчества голосов царской капеллы, углубилось изучением нотной литературы. К концу жизни Федора им была собрана значительная нотная библиотека. При его дворе утвердилось

¹⁴⁰ Устрялов Н. П. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. VI. Приложение 46. С. 347; Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IX. М., 1993. С. 137.

¹⁴¹ Койэт Б. Исторический рассказ. С. 482–483. Ср. с. 475–476, 513.

¹⁴² Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. № 24, 57; Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб., 1862. № 38.I–V (цит. с. 114).

¹⁴³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 92, 117, 119, 121. Т. I. С. 258.

¹⁴⁴ Там же. Т. II. С. 90, 116 и сл., 462.

партесное (концертное) пение и по соизволению царя был совершен переход от старинных крюковых к общеевропейским линейным нотам¹⁴⁵.

Царь Федор, по мнению В. Н. Татищева, шел к музыке от поэзии, ибо «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте псалтырь стихотворно тем Полоцким переложена, и в ней, как сказывают, многие стихи, а особенно псалмы 132 и 145, сам его величество переложил, и последний в церкви при нем всегда певали. Поскольку же его величество и к пению был великий охотник, первое *партесное* (концертное. — А. Б.), и по нотам четверогласное, и киевское пение при нем введено, а по крюкам греческое оставлено».

Использование для обучения стихов, в том числе в связи с пением, и его наглядность, были в максимальной степени реализованы мачехой царя Федора, царицей Наталией Кирилловной Нарышкиной (1671–1694). Родив в 1672 г. царевича Петра, 20-летняя царица переменяла обычаи во дворце и задумала учить сына по новой в Европе педагогической системе Я. А. Коменского. Суть системы состояла в том, что ребенок, это не маленький взрослый, поэтому содержание и формы обучения должны соответствовать этапам развития детской психики. И начинаться как можно раньше.

В отличие от учившихся до него царевичей, Петр официально, с традиционного молебна 27 ноября 1675 г. приступил к учебе

по Азбуке и Часослову¹⁴⁶ в три с половиной года. До этого, как мы видели, было в обычае, что царевичи и царевны с младенчества (Петр — уже в годик, его сестра Наталия — в полтора) получали красочные и гравированные «потешные листы» и «потешные книги». Но к изучению Азбуки все приступали на 6-м году жизни, и именно в этом возрасте 12 марта 1677 г. начал официально учить Петра Н. М. Зотов¹⁴⁷.

Как Наталье Кирилловне пришла идея «Материнской школы» — неведомо. Она могла прочитать об этом, услышать в доме своего воспитателя А. С. Матвеева или от образованных придворных дам, наконец, внять совету придворного книжника, самым ярким из которых был в это время Симеон Полоцкий¹⁴⁸. Правда, Симеон учил «свободным мудростям» царевичей Алексея, Федора и, предположительно, царевну Софью, — однако они начинали учиться с 6 лет. Предполагают, что Полоцкий был знаком с некоторыми

¹⁴⁶ Их в октябре и ноябре изготовил «в хоромы у государю» подьячий Приказа тайных дел Григорий Гаврилов, который 26 ноября, накануне начала учебы Петра, был вознагражден 10 рублями. (Русская историческая библиотека. Т. 23. СПб., 1904. С. 1392).

¹⁴⁷ К этому торжественному дню ему были вновь специально изготовлены Азбука и Часослов (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 221–222; ср. с. 80, 154–158, 223–228, 613). Необычность такого «двойного» начала образования Петра побудила Забелина заметить, что его мнение о начале петровского учения в 1675 г. «требуется еще более крепких подтверждений», и выразить недоверие Крекшину, описавшему начало учения в 1677 г. (там же. С. 223). Сомнения объяснялись тем, что ученый не исследовал аналогичное обучение царевича Алексея Петровича, хотя с обычной обстоятельностью сделал о нем выписки, позже изданные Тарабринами.

¹⁴⁸ По Н. П. Крекшину, Симеон экзаменовал учителя для Петра перед царем Федором в 1677 г., а затем Зотова представили царице Наталии, которая «вручила» ему сына для «научения божественной мудрости, и страху Божию, и благочинному житию, и писанию». Сахаров И. П. Записки русских людей. С. 19–20.

¹⁴⁵ Талина Г. В. Новые тенденции в музыке и музыкальном образовании в допетровской России XVII века // История музыкального образования как наука и как учебный предмет. М., 1999. С. 354–359.

сочинениями Коменского¹⁴⁹, но нигде не предлагал начать образование в его Материнской школе (*Škole mateřské*).

Обучение ребенка матерью было в царской семье не в обычае и официальным не стало. Поэтому в документах нет записей о «пожалованиях» учителю Петра с конца 1675 по начало 1677 г. (зарплаты на столь высоком уровне не платили, но награждали щедро и в расходные книги суммы заносили исправно). О содержании дошкольного обучения Петра особых сведений нет, но по составу изготовленных для него книг и картинок видно, что оно было вполне традиционным для Двора, хотя и началось раньше.

К воспитанию внука Алексея всеильная после свержения Софьи правительница Наталия (1689–1694) приступила более основательно. Усиленно добивавшийся расположения 52-летней царицы (и, кажется, метивший по примеру Полоцкого на место дворцового наставника) первый в то время придворный поэт Карион Истомина усвоил идею «Материнской школы» и реализовал ее в совершенной системе учебных пособий. Теперь царица-бабушка могла реализовать свою идею более основательно.

В 1692 г., когда царевичу Алексею шел 3-й год, стихотворец создал для него первую учебную книгу — Букварь — и вручил царице Наталии Кирилловне. Букварь максимально опирался на непосредственное восприятие ребенка.

¹⁴⁹ См.: Родников В. Два темных места в нашей педагогической литературе 16–17 вв. // Труды Киевской Духовной академии. 1913. Кн. VI. С. 231–245; Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сб. статей. Ч. I. М., 1958. С. 307; *Mitjurov V. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij* // *Pedagogika*. № 4. Praha, 1964. S. 473–480.

Ученик видел барабан, говорил «барабан», усваивая звучание и многократно приведенное начертание буквы «Б», а затем уже закреплял усвоенное внятыми и простыми силлабическими стихами, удобными для обучения «правильному» чтению «по складам»¹⁵⁰. Овладение родным, а затем и другими письменными языками, было ключевым элементом педагогики Коменского (опирающейся, разумеется, на солидную схоластическую традицию). Однако средства, которые использовал Истомина, опирались на русскую традицию обучения царских детей. И, как прежние учебные пособия для царевичей и царевен, Букварь был в 1694 г. издан Московским Печатным двором.

Согласно заглавию, Букварь должен был познакомить ученика не только с русским, но и с греческим, латинским и польским алфавитами (приведены греческие и латинские буквы в польской орфографии)¹⁵¹. В предисловии автор дал четкие инструкции по использованию этой новой (и не устаревшей донныне) учебной книги.

Букварь Кариона Истомина, цельногравированный Леонтием Буниным

¹⁵⁰ См.: *Тарабрин И. М.* Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916 (с описанием подносных экз. ММК. КН-202. № 47307; ГИМ. Уваровское собр. № 92; черновика ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 1–16 и беловика ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 1–26 об. — полный лицевой список, текст которого, по заключению археографа, лег в основу печатного издания Букваря).

¹⁵¹ См.: *Ровинский Д. А.* 1) Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881. С. 484–503; 2) Материалы для русской иконографии. СПб., 1890. Вып. 7, 9; Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / *В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеева.* Л., 1981.

на больших медных досках (он впервые для таких книг на Руси печатался в 2°, на одной стороне листа) стал вершиной развития учебной книги в «бунташном веке». В развитии идей Коменского Истомин пошел дальше, но не прямо по стопам «учителя народов». В отличие от Коменского, Истомин избрал одну, а не две цели — обучение учеников буквам алфавита и сложению из них слов; систему понятий, как в «Мире чувственных вещей», эти слова не образуют. Первоначально рукописный, а затем и гравированный «Лицевой Букварь» не имел прямых аналогий в европейской педагогике в целом. Это оригинальное учебное пособие, увенчавшее развитие традиции обучения царских детей, опиралось прежде всего на непосредственное восприятие. От узнавания изображенного предмета ученик переходил к его называнию по буквам, запоминая их звучание, начертание и сложение по «складам». С минимальными изменениями этот комплекс средств обучения грамоте (и частично — языку) используется в русской школе до наших дней. Задуманный первоначально как учебник для «материнской школы», Букварь был ориентирован прежде всего на человека, не обладающего навыками чтения, «бесписьменного» индивида. Это определяло более широкие возможности его применения: при издании в 1694 г. Карион прямо предлагал Букварь всем «имущим учиться отрокам и отроковицам, мужем и женам».

Следующее сочинение Истомина, поднесенное, согласно записи самого автора, царевичу Алексею — «Книга Вразумление умнаго делания», традицион-

ная дидактико-панегирическая поэма¹⁵². Ее содержание близко соответствовало взглядам Коменского на нравственное воспитание как весьма важную часть педагогики. За ней в конце 1692 — начале 1693 г. последовал поэтический Триптих для материнской школы: три одинаковые по форме и системно связанные содержанием поэмы, сохранившиеся в автографах: «Эдем си есть сладость», «Екклесия си есть церковь» и «Град царства небесного».

Первая стихотворная книга образно излагала основы православной веры, вторая знакомила в таинствах Церкви, третья — с земным миром и человеческими науками. Каждому образу соответствовала живописная картинка, обрамленная сверху и снизу строками двустипшия, называвшими и формулировавшими понятие, раскрытое в помещенных на соседней полосе разворота кратких и емких стихах¹⁵³. Изучение Триптиха было приурочено к достижению Алексеем четырехлетнего возраста. Адресованный царевичу «в юности четверолетие уже достигающую бытностию» «Едем» датирован автором ноябрем 1692 г., «Екклесия»

¹⁵² Так следует из приведенной С. Н. Брайловским белой записки Истомина «Книги написаны и поднесены» (ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 325, автограф. Публ.: Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб. 1902. С. 423. Видно, это переделка книги, написанной в 1683 г. для юного царя Петра Алексеевича. Об истории ее текста см.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики. М., 1983. № 1, 3–4 (публикация и коммент.).

¹⁵³ См.: Богданов А. П. Памятник русской педагогики XVII века (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989. С. 96–144. Изучены и изданы все авторские рукописи. Новое исследование и издание: Богданов А. П. Стих и образ. С. 199–350, 395–456 (текст).

декабрем. «Град» (по палеографическим признакам) писался примерно в то же время. Триптих был подан до дня рождения Алексея 19 февраля 1693 г.

Триптих представлял следующий, после Букваря и «Вразумления», этап обучения ребенка, способного уже не только к непосредственному восприятию и запоминанию, но к чтению и «разумению», усвоению содержания образно представленных, системно взаимосвязанных идей и понятий. В центре его педагогической системы находится не чувственно воспринимаемый через изображение предмет, а образ, рождающийся в совместном усилии телесного и духовного зрения, в сочетании изображения и стихотворного текста, сочетании элементов книги, книг в Триптихе. Аналогией произведению Истомина был «Мир чувственных вещей» Коменского. Разными литературными и изобразительными средствами, отразившими равно восходящие к античности культурные традиции, оба автора стремились сообщить ученику *систему* знаний, а не отрывочные сведения о мире, знаний наиболее общих, которые стали бы фундаментом дальнейшего обучения и познания.

Функционально «Мир» стоит между Букварем и Триптихом, т. к. уже предполагает наличие навыков чтения (на родном языке) и предлагает изучить систему латинских понятий, переходя от частного к общему. Букварь по сути частен: единство букв дает только алфавит. В книгах Триптиха ученик идет от изучения образов к пониманию их четко прописанной системы, настолько важной для автора, что между книгами прослеживается движение от общего к более частному

(вера → церковь → знания). На уровне микрокосма «Едем» определяет предназначение человека в божьем мире, «Екклесия» — его поведение, причастность к сообществу верных на земле; «Град» представляет знания о земном мире, над которым человек поставлен царем, и познание которого есть его благое предназначение. Данная Богом способность познания применима, считает Карион, ко всему Творению: земному и небесному. Поскольку «умное» познание Творения раскрывает замыслы Творца, путь к знанию есть путь к Богу. По Истомину, восторг перед «дивно сотворенным» укрепляет веру, а познание мировой гармонии вместе с верой убеждает в естественности единства в лоне Церкви.

К этому времени в России было доказано, что укрепление Церкви требует знаний, хотя сохранялись опасения, что не контролируемые Церковью знания могут быть опасны для веры. Карион таких опасений не разделял, так что естественным выглядит возврат царевича Алексея Петровича к истрепанной им, но заново созданной художником Оружейной палаты книге в конце 1693 г., даже если это была одна «Екклесия» (а не Триптих под одним — первым — названием). Из опубликованных Забелиным записей дворцовых расходов видно, что книги Триптиха понравились царевичу и изучались более года¹⁵⁴.

Последовательно реализованная в Триптихе (аналогично «Миру») идея

¹⁵⁴ 13 декабря «Едем» (все сочинение часто называлось по первому разделу) был заказан художнику Оружейной палаты Тихону Иванову, а 27 числа готовая книга была без промедления подана в хоромы царевича, принес в Оружейную палату, в хоромы подал дьяк Кирило Тиханов» (Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 620).

образно-универсального обучения была взаимосвязана с его точной (более узкой, чем у Букваря) педагогической ориентацией: не только на этап обучения, но и на возраст ученика, определенную стадию развития сознания ребенка. Сравнив Триптих с «*Orbis sensualium pictus*» Коменского, легко убедиться, что работа Истомина даже более специализирована для «Материнской школы»¹⁵⁵. В этом отношении и форма его за счет продуманного использования стихотворных средств более функциональна. По составу текста Триптих ближе не к «Миру чувственных вещей», а к бытовавшим в России энциклопедическим сборникам, в особенности к «Вертограду многоцветному» (именно так в буквальном смысле трактовавшемуся Симеоном Полоцким). Стоит, однако, заметить, энциклопедическая традиция в XVII в. была общеевропейской, и реализованная в «Мире» идея универсальной системы знаний была тесно связана с традицией энциклопедических сборников. Созданием такого сборника («Театр всех вещей», 1614–1627) сам Коменский начинал свою творческую деятельность.

Оригинальный поэтический Триптих Кариона Истомина имел однородную культурную основу с «Миром чувственных вещей», с тем различием форм, которые характерны для культурных явлений в Центральной и Восточной Европе I и II половин XVII в. Это объясняет саму возможность усвоения Карионом системы педагогических взглядов «учителя народов» и тем более творческого применения

их в русской учебной практике. В то же время отечественная педагогическая традиция была достаточно своеобразной, чтобы исключить прямой перевод или адаптацию учебных пособий Коменского, как это делалось тогда во многих странах Центральной и Западной Европы (или в России с прикладной литературой военного, технологического, географического содержания).

На пятом году жизни царевич Алексей все еще учился по лицевым книгам. В этом возрасте Истомин вручил ему большую Библию в картинках-иллюстрациях, сопровождавшихся вновь сочиненными поэтом стихами¹⁵⁶. Затем царевич получил иллюстрированный Акафист деве Марии¹⁵⁷ — пособие для обязательного в русском начальном образовании обучения пению¹⁵⁸. В Акафисте значительная часть учебной нагрузки была перенесена с картинки на текст, а иллюстрации должны были

¹⁵⁶ Какую «Библию большую в лицах» поэт, согласно записке, «подписал вновь виршами», пока не установлено. О ней можно судить по сохранившимся в черновиках Кариона «подписаниям»: ГИМ. Чудовское собр. № 100/ 302. Л. 108–109 А об. В черновике сохранилось 46 строф с рассказом от погребения Авраама (Быт 25, 9–10) до пришествия Христа к рыбакам (Ин 21, 9). Следующая далее (л. 109 Б-112 об.) пасхальная орация в 22 строфы содержит рассказ от Сотворения мира до Воскресения и искупления. Ср. список 35 иконописных сцен и стихи на некоторые из них, а также стихи на изображение Бога Отца (л. 95, 119). Зато слова «подписал вновь» вполне объяснимы: достаточно вспомнить подписи Мардария Хоникова и других поэтов к лицевой Библии Пискаatora, а также два цикла «подписаний» на темы Ветхого Нового заветов в «Вертограде многоцветном» Симеоном Полоцкого.

¹⁵⁷ В записке Истомина «Книги написаны и поднесены»: «Акафист в лицах пресвятой Богородице, мерочисленными стихами написан».

¹⁵⁸ Его список также, как Букварь и Триптих, находится в Уваровском сборнике ГИМ № 73 (л. 99–103) и датирован сентябрем 1694 г.

¹⁵⁵ Ср.: *Ioh. Amos Comenii. Orbis sensualium pictus*. М., 1957.

привлечь внимание ребенка, включить его в игру. Упомянутый далее в записке поэта «Букварь малый» картинок уже не имел. Граничное значение «Акафиста в лицах» можно связать с тем, что изучение церковного пения завершало традиционный русский цикл овладения грамотой.

В лицевой Библии сочетание картинок со стихами помогало ученику наглядно представить и запомнить важнейшие события. Основное содержание «Акафиста в лицах» было представлено в стихах, а картинки служили иллюстрациями, призванными вначале заинтересовать, привлечь ученика к тексту, показать ему роль церковного пения.

В 5–6-летнем возрасте ученик приступил к освоению навыков скорописного письма по «Букварю малому», единственными картинками в котором были «образцы» — прописи (техника русского письма XVI–XVII вв. требовала, чтобы ученик изучал не траекторию выведения литер, лигатур и выносных букв, а их характерное начертание, вид). Обучение письму, составлявшее в русской школе особый этап (отличный от изучения чтения и пения), не было так уж необходимо царевичу, однако все царские дети учились писать. Особенность обучения царевича Алексея состояла в том, что писать он учился раньше обычного, в возрасте «материнской», а не традиционной начальной школы.

На шестом году жизни царевич мог приступить уже к изучению наук тривиума и квадривиума с рекомендованными Коменским дополнениями (по известным лицевым космографиям и атласам, гравированным картам и видам, а также

лицевой истории¹⁵⁹ — в отличие он не иллюстрированных учебников по основным предметам).

Однако Коменский рекомендовал продолжать «Материнскую школу» до 6-летнего возраста, — и «в седмое лето возраста своего» (1696) царственный ученик придворного поэта взял в руки «Большой букварь» без картинок, но зато с многочисленными грамматическими сведениями¹⁶⁰. Этот Букварь, изданный тиражом в 25 экз., являлся как бы переходной ступенью от «материнского» обучения к схоластическим наукам, первое известие о которых царевич получил в раннем детстве из последней книги Триптиха.

Завершая обучение в «материнской школе» стихотворец постепенно, от Букваря к Триптиху, от Триптиха к Библии и «Акафисту», затем «Малому букварю» и Букварю 1696 г., переносил центр тяжести с непосредственного, «телесного», на логическое, «умное» восприятие материала. Новому этапу обучения соответствовал иной подход Истомина к учебным средствам. Первый учебник школьной программы — «Малая грамматика» — начисто лишен иллюстраций и стихов. Каррион по-иному проявляет здесь заботу об облегчении усвоения материала, в соответствии с новым этапом развития сознания своего ученика. Наиболее важные

¹⁵⁹ «Лицевой хронограф» (часть «Лицевого летописного свода») был поднесен Истоминным царевичу Алексею Петровичу 3 марта 1699 г. См.: *Пентковский А. М., Богданов А. П.* Сведения о бытовании Книги царственной. С. 77–78.

¹⁶⁰ Он восходит к Букварю Симеона Полоцкого (М., 1679) и, частично, к Грамматике Мелетия Смотрицкого (М., 1648). Авторский корректурный экз. изучен: *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. Т. 2. М., 1960. С. 169–184. Об издании: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 171–173.

тексты «Малой грамматики» расположены «лесенкой», ключевые слова дополнительно выделены киноварью.

В отличие от современных поэту аналогов, текст последовательно очищен от множества затрудняющих понимание частностей, каждое правило подкреплено примером, число иноязычных терминов сокращено, всем оставшимся дано русское разъяснение. Важнейшие тексты выделены расположением материала и киноварью¹⁶¹. Аналогичный подход прослеживается и в других «гимназических» сочинениях Истомина, например — в сохранившихся среди черновиков его архива отрывках «Этимологии» и «Синтаксиса»¹⁶². Сочинения эти не дошли до нас в беловиках и не оказали влияния на школьную практику по причинам сугубо придворным: их автор так и не снискал места царского учителя.

При жизни благосклонной к Истомину Наталии Кирилловны царевич еще пребывал в «Материнской школе», а к 1695 г., когда он должен был получить официального учителя, царица покинула этот мир. Сына тихо, но упрямо оберегала недооцененная поэтом мать, Евдокия Федоровна (Лопухина). Тем не менее, Истомин приблизился к заветной цели вплотную. Он подносил царевичу учебные книги, вручил ему стихотворный «Домострой» с назиданиями сыну от имени Петра¹⁶³,

¹⁶¹ *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 298–301, 439–449.

¹⁶² ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 434; № 302. Л. 118–121. Фрагменты опубл.: *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых». С. 459–464. Истомину приписывается также московское издание арифметики (1700):

¹⁶³ ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 49–50 об. Опубл.: *Бычков А. Ф.* Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК. Вып. 2. СПб., 1862. С. 126–132.

напечатал «в седмое лето возраста» Алексея 25 экз. Букваря и помогал ему писать послания отцу¹⁶⁴, в том числе стихами¹⁶⁵.

Назначенный 4 марта 1698 г. смотрителем Печатного двора, Истомин расширил свои возможности. Изъяв из Мастерской палаты часть иллюстрированной Книги Царственной (известной как «Лицевой летописный свод» и «Московская историческая энциклопедия»), он велел сделать из тематически подобранных листов две книги в красивых переплетах¹⁶⁶. К годовщине своего назначения начальником московской печати, Карион 3 марта 1699 г. отнес «в Верх» царевичу Алексею, к опекаемому после ссылки матери, царевной Наталией Алексеевной, одну из этих замечательных книг с выделенным самим поэтом ярким и назидательным рассказом о царствовании Константина Багрянородного «сына Львова» (наставление императора Василия сыну Льву читали, по данным Забелина, все царевичи Романовы). Позже она вернулась на Печатный двор¹⁶⁷.

Это была последняя попытка Истомина воздействовать на обучение царевича Алексея¹⁶⁸, учителем которого в 1698/99 г. был Петр Никифорович Вяземский. Его

¹⁶⁴ ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 443 об.—446.

¹⁶⁵ *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 138–139.

¹⁶⁶ Ныне это «Синодальный том» и «Лицевой хронограф»: ГИМ. Синодальное собр. № 962; РНБ. F.IV.151.

¹⁶⁷ *Богданов А. П., Пентковский А. М.* Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. № 5. 1984. С. 92–100.

¹⁶⁸ Кариону приписывают еще издание Арифметики (М., 1700). После кончины патриарха Адриана его секретарь в 1701 г. потерял место начальника Печатного двора и вынужден был оставить службу. А в 1705 г., пришел конец и Московскому двору, при котором Истомин оказался последним поэтом.

имя и должность указаны в тетрадях дворцовым расходам в разделе отпуска «питья и еств» дворцовым служителям, охране, сокольникам, зверовщикам и зверям (львице, бобру, рыси, лисицам и белым медведям). Под этими статьями Петр в августе 1700 г. начертал бессмертный афоризм, ёмко характеризующий новую эпоху: «*Всем отказать, кроме зверей*»¹⁶⁹. Русский учитель для сына был Петру не нужен, как опасен казался и сам царевич Алексей, по воле отца высланный за границу, а затем якобы за это убиенный¹⁷⁰.

Из поля зрения Петра и его «птенцов» выпали, но не ускользнули от внимания Кариона Истомина дети царя Ивана Алексеевича и первой красавицы двора Прасковьи Федоровны Салтыковой. 29 мая 1690 г. при дворе звучало его «Приветство стихотворное в краткости» царю Ивану ко дню ангела новорожденной дочери Феодосии. Оно было написано вскоре после поэмы на рождение царевича Алексея 19 февраля, одновременно с «Приветством желательным в перволетии» царю Петру по случаю первых именин Алексея 21 июня 1690 г. 27 марта 1692 г. Истомин обращался к царице Прасковии (и не раз, от разных лиц, к ее супругу) с пасхальной орацией. Великолепное «Приветство стихотворномерно» с образком и картинкой Карион посвятил царице Прасковии Федоровне в день ангела 14 октября 1692 г. Именно в нем поэт поместил гимн «Человеку избранному»,

созданному для познания и овладения миром. Сочиняя около 1694 г. благодарственное письмо княгини Ирины Прозоровской по случаю посещения ее имения подругой, царицей Прасковьей, Истомин не преминул пожелать царственной чете «во утешение же и наследство ваше родительское родити государя царевича»¹⁷¹.

Но поэт был убежден, что и девочек необходимо хорошо учить, причем не только читать и писать. Можно предполагать, что ряд экземпляров его учебных работ был адресован дочерям Ивана и Прасковии (которую он не забывал и после смерти мужа в 1695 г.). Согласно авторскому «вручению», в октябре 1693 г. Истомин поднес царице Прасковии Федоровне парадный экземпляр своего рукописного, расцвеченного золотом и красками Букваря, предназначенного для трех ее дочерей¹⁷². Царевнам предназначался в первую очередь и изданный в 1694 г. Букварь, открывший Новую эпоху в истории русской учебной книги. Третьей из царевен, тогда еще младенцем, была Анна Иоанновна, с которой в XVIII в. началась череда великих русских императриц. Возможно, благодаря учебнику Истомина Анна, вопреки мнению питерских самовластцев, оказалась достаточно грамотной, чтобы понять смысл «Кондиций» и 25 февраля 1730 г. в Москве покончить с губительной для России властью созданного Меншиковым и Екатериной Верховного тайного совета (1726–1730).

Издание Букваря Истомина, гравированного Буниным, не позволило вполне

¹⁶⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа. Ч. II. С. 718.

¹⁷⁰ Преступление сыноубийцы расследовано: Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н. Н. Ге) // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881 (новое изд. М., 1989. С. 125–166).

¹⁷¹ ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 75 об-76; 71–72, 116; Л. 74 об. —75; Л. 159 об.; Л. 162–162 об.; собр. Уварова. № 73. Л. 117–117 об.; Л. 101 об.

¹⁷² ГИМ. Собр. Уварова. № 92. 2°.

угаснуть добрым педагогическим традициям Московского двора, начатым с горячего попечения Филарета Никитича о детях его сына царя Михаила, включая создание специально для них первой Азбуки Бурцева. Изучив их, мы имеем право говорить об ином взаимодействии России с остальной Европой, чем «заимствование явлений» иностранной культуры или «использование» готовых пособий. Инициированные царицей Натальей труды Истомина свидетельствуют об органичном функционировании педагогической мысли России в системе европейской педагогики. Буквари и Триптих Кариона по примененным в них средствам

обучения, издавна развивавшимся при Московском дворе, стали в полном смысле шагом вперед в европейской педагогической практике.

* * *

Сделанные нами наблюдения далеко не охватывают всех аспектов воспитания и образования русских людей в XVII в., указания на многие из которых даны в ссылках данной работы. Их цель — познакомить читателя с разными аспектами данной темы и навести на размышления, которые могут увенчаться новыми исследованиями, постепенно приближающими нас к пониманию наших предков.

Библиография

Источники:

- Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842.
- Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М. — Л., 1940–1945. Т. 1–2.
- Андрей Лызлов.* Скифская История / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен *А. П. Богданов.* М., 1990.
- Богданов А. П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л., 1987.
- Богданов А. П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1987 г. Л., 1987.
- Богданов А. П.* Памятник русской педагогики XVII века (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989.
- Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / *В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеева.* Л., 1981.
- Бычков А. Ф.* Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК. Вып. 2. СПб., 1862.
- Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850.
- Домострой / Изд. подгот. *В. В. Колесов, В. В. Рождественская.* СПб. 1994.
- Дополнения к актам историческим. Т. 8–9. СПб., 1862–1875.
- Забелин И. Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 года // ЧОИДР. Кн. I. 1888.
- Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогия / Богданов А. П. М., 1994.

Книга дядькам и мамам и боярыням верховым и стольникам царевичевым // ВОИДР. Кн. 9. Смесь. М., 1851.

Койэт Б. Исторический рассказ или описание путешествия ... посла Высококомандных Штатов ... к великому государю ... Московскому // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4, доп. — СПб., 1906.

Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. Самуила Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича / *П. В. Киреевский* // ЧОИДР. № 1. Отд. 3. 1846.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии *А. П. Богданов*. М., 1983.

Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 5. М., 1876.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1–7. СПб., 1887–1917; Т. 8–12; М., 1946–1975.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли ... / *М. П. Погодин*, пер. с лат. *Лавдовского* // ЖМПН. Ч. 5. № 1. 1835.

Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Ровинский Д. А. Материалы для русской иконографии. Вып. 7, 9. СПб., 1890.

Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подготовка текста, статья, комментарии, аннотированный указатель имен и фамилий *А. П. Богданов*. М., 1990.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. VIII. Т. 23. СПб., 1904.

Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987.

Тарабрин И. М. Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916.

Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. М. — Л., 1936.

Частная переписка кн. П. И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. Кн. 10. М., 1905.

Instruction du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... *A. de Pluvinell*. Paris, 1629.

Ioh. Amos Comenii. Orbis sensualium pictus. М., 1957.

Литература:

Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.

Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сб. статей. Ч. I. М., 1958.

Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных // Научные труды. Т. II. М., 1954.

Богданов А. П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подъячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. № 6. 2020.

Богданов А. П. «Магометанство» в геополитической структуре мира русского историка XVII в. (Андрей Лызлов и его «Скифская история») // Сборник Русского исторического общества. № 7 (155). М., 2003.

Богданов А. П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М., 2020.

Богданов А. П. 1612. Рождение Великой России. М., 2013.

Богданов А. П. Александр Невский. М., 2009.

Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын. // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989.

Богданов А. П. Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII века // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. Вып. 2. М., 2018.

Богданов А. П. Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио: Журнал для ученых. № 5. 2016.

Богданов А. П. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М., 1988.

Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М., 2018.

Богданов А. П. Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Вып. 2. 2003..

Богданов А. П. Карион Истомин // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

Богданов А. П. Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989.

Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 16. М., 1990.

Богданов А. П. Московские полководцы 1572–1618. М., 2018.

Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1993.

Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 2 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М., 1995.

Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. 2-е изд. М. — Берлин, 2020.

Богданов А. П. Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1989.

Богданов А. П. Почему царь Федор Алексеевич приказал сдать Чигирин // Военно-исторический журнал. № 1. 1998.

Богданов А. П. Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 99). М., 1998.

Богданов А. П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015.

Богданов А. П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015.

Богданов А. П. Русские патриархи. 1589–1700. Т. 1–2. М., 1999.

Богданов А. П. Русь от Новгорода, Новгород от Ноя: новгородский вклад в общерусское летописание XVII в. // Novogardia. № 2. 2019.

Богданов А. П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989.

Богданов А. П. София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 7. М., 1994.

Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2019.

Богданов А. П. Стих торжества: Рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века: [в 2 ч.]. М., 2012.

Богданов А. П. Учёба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2003.

Богданов А. П. Федор Алексеевич. Софья Алексеевна // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997.

Богданов А. П. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999.

Богданов А. П. Царевна Софья и Пётр. Драма Софии. М., 2008.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.

Богданов А. П., Пентковский А. М. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. № 5. 1984.

Богданов А. П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М. — Магнитогорск, 2007.

Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006.

Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902.

Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962.

Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.

- Галактионов И. В.* Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина. Саратов, 1968.
- Гейман В. Т.* Соляной промысел гостя Панкратьева Яренского уезда // *Летопись занятий Археографической комиссии*. Вып. 35. Л., 1929.
- Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.
- Демин А. С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. I–II. М., 1895–1915.
- Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1901.
- Зезюлинский Н.* Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 1. СПб., 1889.
- Кибалова Л., Гербенкова О., Ламарова Е.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.
- Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // *Книга. Исследования и материалы*. Т. 2. М., 1960.
- Клосс Б. М.* О происхождении названия «Россия». М., 2012.
- Ключевский В. О.* Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919.
- Козловский И. П.* Андрей Вениамин. Сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб., 1911.
- Копанев А. И.* Книжность северной волости XVI–XVII вв. // *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976.
- Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881. Новое изд. М., 1989.
- Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Грамотность и образованность различных сословий [XVII в.] // *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в.* М., 1989.
- Кошелева О. Е., Морозов Б. Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в. (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв.* Международная конференция. — Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I. М., 1994.
- Лаврентьев А. В., Матвеева Е. Н.* Гросс Леонтий // *СККДР*. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992.
- Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века // *Советские архивы*. № 5. 1980.
- Луппов С. П.* Книга в России XVII в. Л., 1970.
- Луппов С. П.* Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.
- Любомиров П. Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Изд. 2-е. М., 1939.
- Маркевич А. И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. История одного предательства и создания выдающейся книги о России. Одесса, 1895; переизд. М., 2016.

- Маркевич А. И.* О местничестве. Ч. I. Киев, 1879.
- Милюков С. Г.* Думный дяк Андрей Андреевич Виниус — государственный деятель России второй половины XVII — начала XVIII веков: Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2000.
- Морозов Б. Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. № 1. 1980.
- Морозов Б. Н.* Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981.
- Морозов Б. Н.* Записная книжка помещика XVII в. // Советские архивы. № 5. 1983.
- Морозов Б. Н.* Из истории русской переводной научной технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.
- Морозов Б. Н.* К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981.
- Морозов Б. Н.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // История и палеография. М., 1993.
- Морозов Б. Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982.
- Морозов Б. Н.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982.
- Новосельский А. А.* Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в. // Ученые записки Института истории РНИИОН. Т. IV. М., 1929.
- Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РНИИОН. Вып. I. М., 1926.
- Новосельский А. А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М. — Л., 1949.
- Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.
- Опарина Т. А.* Неизвестный Указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. № 3 (9). 2002.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.
- Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Пентковский А. М., Богданов А. П.* Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983.
- Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.

Профессиональное обучение при московских приказах Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881.

Родников В. Два темных места в нашей педагогической литературе 16–17 вв. // Труды Киевской Духовной академии. Кн. VI. 1913.

Ройзман Л. И. Орган в истории русской музыкальной культуры. М., 1979.

Сахаров И. П. Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.

Седов П. В. К истории боярской семьи XVII в.: Семья князя Н. И. Одоевского // *Sahiers du monde russe Russie*. 57/2–3. 2016.

Смирнов П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929.

Снегирев И. М. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861.

Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1903.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. Кн. IX. М., 1993.

Талина Г. В. Новые тенденции в музыке и музыкальном образовании в допетровской России XVII века // История музыкального образования как наука и как учебный предмет. М., 1999.

Тарковский Р. Б. Виниус Андрей Андреевич // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992.

Татищев В. Н. История Российская. В 7-ми томах. Т. 7. М. — Л., 1968.

Устрялов Н. П. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб., 1859.

Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Шамин С. М., Дженсен К. Р. Иноземные потешники при дворе первых московских царей // Российская история. 2018. № 1.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983.

Crummey, Robert O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // *Canadian/American Slavic Studies* 8. 1974.

Mitjurov B. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij // *Pedagogika*. № 4. Praha, 1964.

Сведения об авторе

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история России XVII в.

E-mail: culture_iri@mail.ru

RUSSIAN UPBRINGING AND EDUCATION OF THE XVII CENTURY: OBSERVATIONS AND REFLECTIONS

Annotation: The article summarizes the author's long-term observations and reflections on a topic that is almost not represented in direct historical sources. Primary education in the family and in private, mainly parish and community schools, rarely mentioned by sources, is still reflected in separate documents, private letters and notes. But more often, researchers study only its results in the form of literacy and participation of people of different classes in office work and a rather diverse literary life. We have maximum information about the course and content of this formation for persons of the royal family, which was considered by contemporaries as an ideal and a role model, because the life of the royal family was carefully documented. The process of education in all, even the upper classes, we have to evaluate by its results almost entirely. All this does not allow us to say that the Russian upbringing and education of the 17th century has been fully investigated, but from a number of sources and episodes, we, at least, can today judge this phenomenon.

Key words: upbringing, morals, primary education, literacy, taxation estates, nobility, aristocracy, royal family, Russia of the 17th century.

References

Sources:

- Akty istoricheskie [Historical Acts]. Vol. 5. Sankt-Peterburg, 1842. (In Russian).
- Akty hozyajstva boyarina B. I. Morozova [Acts of the economy of the boyar B. I. Morozov]. Vol. 1–2. Moscow — Leningrad, 1940–1945. (In Russian).
- Andrej Lyzlov.* Skifskaya Istoriya [Scythian History] / Preparation of the text, article, comments, annotated index of names by A. P. Bogdanov. Moscow, 1990. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Izvestiya Kariona Istomina o knizhnom chitanii [Intelligence of Karion Istomin about book reading] // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik za 1986 g. Leningrad, 1987. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Izvestiya Kariona Istomina o knizhnom chitanii [Intelligence of Karion Istomin about book reading] // PKNO za 1987 g. Leningrad, 1987. (In Russian).
- Bogdanov A. P.* Pamyatnik russkoj pedagogiki XVII veka (Poeticheskij triptih Kariona Istomina dlya nachal'noj shkoly) [Monument of Russian pedagogy of the XVII century (Karion Istomin's Poetic triptych for primary school)] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda. Sb. statej. Moscow, 1989. (In Russian).
- Bukvar' sostavljen Karionom Istominym, gravirovan Leontiem Buninym, otpechatan v 1694 godu v Moskve: Faksimil'noe vosproizvedenie ekzempljara, hranyashchegosya v Gos.

Publ. b-ke im. M. E. Saltykova-Shchedrina [The primer was compiled by Karion Istomin, engraved by Leonty Bunin, printed in 1694 in Moscow: Facsimile reproduction of a copy stored in the State Public Library named after M. E. Saltykov-Shchedrin] / *V. I. Luk'yanenko, M. A. Alekseeva*. Leningrad, 1981. (In Russian).

Bychkov A. F. Domostroj Kariona Istomina [Domostriy of Karion Istomin] // LZAK. Vyp. 2. Saint-Peterburg, 1862. (In Russian).

Dvorcovye razryady [Palace ranks]. Vol. I. Sankt-Peterburg, 1850. (In Russian).

Domostroj [Domostroy] / Izd. podgot. *V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya*. Saint-Peterburg, 1994. (In Russian).

Dopolneniya k aktam istoricheskim [Additions to the historical acts]. Vol. 8–9. Saint-Peterburg, 1862–1875. (In Russian).

Zabelin I. E. Bol'shoj boyarin v svoem votchinnom hozyajstve; Perepiska stol'nika A. I. Bezobrazova 1687 goda [The great boyar in his patrimonial economy; Correspondence of the stolnik A. I. Bezobrazov in 1687] // CHOIDR. Kn. I. 1888. (In Russian).

Ignatij Rimskij-Korsakov. Genealogia [Genealogy] / *Bogdanov A. P.* Moscow, 1994. (In Russian).

Kniga dyad'kam i mamam i boyarynyam verhovym i stol'nikom carevichevym [Book to tutors and nurses and boyarynias and tsarevich's stolniks] // VOIDR. Kn. 9. Smes'. (In Russian). Moscow, 1851. (In Russian).

Kojet B. Istoricheskij rasskaz ili opisanie puteshestviya ... posla Vysokomoshchnyh Shtatov ... k velikomu gosudaryu ... Moskovskomu [Historical story or description of a journey ... The ambassador of the High-power States ... to the great sovereign ... of Moscow] // Posol'stvo Kunraada fan-Klenka k caryam Alekseju Mihajlovichu i Feodoru Alekseevichu. Saint-Peterburg, 1900. (In Russian).

Kotoshihin G. K. O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha [About Russia in the reign of Tsar Alekseyalkov Mikhailovich]. Izd. 4, dop. Saint-Peterburg, 1906. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Votchinnik i ego hozyajstvo v XVII veke; Pamyatniki russkogo narodno-razgovornogo yazyka XVII stoletiya (iz fonda A. I. Bezobrazova) [Patrimonial estate and its economy in the XVII century; Monuments of the Russian folk-spoken language of the XVII century (from the fund of A. I. Bezobrazov)]. Moscow, 1965. (In Russian).

Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Soch. Samuila Kollinsa, kotoryj devyat' let provel pri dvore moskovskom i byl vrachom carya Alekseya Mihajlovicha [The current state of Russia, as outlined in a letter to a friend living in London. Op. Samuel Collins, who spent nine years at the court of Moscow and was a doctor of Tsar Alexei Mikhailovich] / *P. V. Kireevskij*. // № 1. Otd. 3. CHOIDR. 1846. (In Russian).

Olearij A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russian).

Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoy mysli v Rossii konca XVII veka: Literaturnye panegiriki [Monuments of Socio-Political Thought in Russia at the end of

the XVII Century: Literary Panegyrics] / Preparation of the text, preface and comments by *A. P. Bogdanov*. Moscow, 1983. (In Russian).

Pis'ma russkikh gosudarej i drugih osob carskogo semejstva [Letters of Russian sovereigns and other persons of the royal family]. Vol. 5. Moscow, 1876. (In Russian).

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Letters and papers of Peter the Great]. Vol. 1–7. Saint-Peterburg, 1887–1917.; Vol. 8–12. Moscow, 1946–1975. (In Russian).

Povestvovanie o moskovskih proisshestviyah po konchine carya Alekseya Mihajlovicha, poslannoe iz Moskvyy k arhiepiskopu korinfskomu Francisku Martelli... [A narrative of the Moscow events following the death of Tsar Alexei Mikhailovich, sent from Moscow to Archbishop Francis Martelli of Corinth...] / *M. P. Pogodin*, trans. from lat. *Lavdovsky*] // *ZhMNP*. Ch. 5. № 1. 1835. (In Russian).

Popov A. N. *Izbornik slavyanskikh i russkikh sochinenij i statej, vnesennyh v hronografyy russkoj redakcii* [Slavonic and Russian works and recordings made in the chronographs of the Russian Edition]. Moscow, 1869. (In Russian).

Rovinskij D. A. *Materialy dlya russkoj ikonografii* [Materials for Russian iconography]. Vyp. 7, 9. Sankt-Peterburg, 1890. (In Russian).

Rossiya pri carevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkikh lyudej [Russia under Tsarevna Sophia and Peter I. Notes of Russian people] / Preparation of the text, article, comments, annotated index of names and surnames *A. P. Bogdanov*. Moscow, 1990. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoy komissiej [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. Vol. VIII, XXIII. Saint-Peterburg, 1884, 1904. (In Russian).

Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii [Sobornoe ulozhenie 1649: Text, comments]. Leningrad, 1987. (In Russian).

Tarabrin I. M. *Licevoj bukvar' Kariona Istomina* [The facial primer of Karion Istomin]. Moscow, 1916. (In Russian).

Hozyajstvo krupnogo feodala-krepostnika XVII v. [Economy of a large feudal serf of the XVII century] Moscow — Leningrad, 1936. (In Russian).

Chastnaya perepiska kn. P. I. Hovanskogo, ego sem'i i rodstvennikov. In.: *Starina i novizna* [Private correspondence of the book by P. I. Khovansky, his family and relatives]. Kn. 10. Moscow, 1905. (In Russian).

Insruccion du roi, en l'exercice de montes á sheval / Par ... A. de Pluvinnell. Paris, 1629.

Ioh. Amos Comenii. *Orbis sensualium pictus* [Visible World in Pictures]. Moscow, 1957. (In Latin).

Researches:

Aleksandrov V. A. *Organizaciya oborony yuzhnoj granicy Russkogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVI–XVII v.* [Organization of defense of the southern border of the Russian state in the second half of the XVI–XVII century] // *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV–XVIII vv.* Moscow, 1979. (In Russian).

Alekseev M. P. Erazm Rotterdamskij v russkom perevode XVII veka [Erasmus of Rotterdam in the Russian translation of the XVII century. Collection of articles] // Slavyanskaya filologiya. Sb. statej. Part. I. Moscow, 1958. (In Russian).

Baklanova N. A. Russkij chitatel' XVII veka [Russian reader of the XVII century] // Issledovaniya i materialy po drevnerusskoj literature. Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s novym vremenem. Moscow, 1967. (In Russian).

Bahrushin S. V. Torgi novgorodcev Koshkinyh [Trade of Novgorodians Koshkins] // Nauchnye trudy. Vol. II. Moscow, 1954. (In Russian).

Bogdanov A. P. «...Pozhalovan na Ivanovskuyu ploshchad'»: Hronologicheskie zapisi ploshchadnyh pod'yachih Shanturovyh XVII v. [«... Granted to Ivanovskaya Square»: Chronological records of the area subdeacons of the Shanturovs of the XVII century] // Otechestvennye arhivy. № 6. 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. «Magometanstvo» v geopoliticheskoj strukture mira russkogo istorika XVII v. (Andrej Lyzlov i ego «Skifskaya istoriya») [Mohammedanism in the geopolitical structure of the World of the Russian historian of the XVII century (Andrey Lyzlov and his «Scythian History»)] // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. № 7 (155). Moscow, 2003. (In Russian).

Bogdanov A. P. «Preniya s grekami o vere» 1650 g.: Otnosheniya Russkoj i Grecheskoj cerkvej v XI–XVII vv. [«Debates with the Greeks about faith» 1650: Relations between the Russian and Greek Churches in the XI–XVII centuries] Moscow, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. 1612. Rozhdenie Velikoj Rossii [The Birth of Great Russia]. Moscow, 2013. (In Russian).

Bogdanov A. P. Aleksandr Nevskij [Alexander Nevsky]. Moscow, 2009. (In Russian).

Bogdanov A. P. Vasilij Vasil'evich Golitsyn [Vasily Vasilyevich Golitsyn] // «Oko vsej velikoj Rossii». Ob istorii russkoj diplomaticheskoi sluzhby XVI–XVII vekov. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Gosudarstvennoe znachenie vysshego obrazovaniya i nauki v stihah pridvornyh poetov konca XVII veka [State significance of higher education and science in the poems of court poets of the late XVII century] // Nauka, kul'tura, mentalitet Rossii novogo i novejshego vremeni. Vyp. 2. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Disput o Privilegii Moskovskoj Akademii XVII veka [Dispute about the Privileges of the Moscow Academy of the XVII century] // Klio: Zhurnal dlya uchenyh. № 5. 2016. (In Russian).

Bogdanov A. P. Estestvennonauchnye predstavleniya v stihah Kariona Istomina [Natural science ideas in the poems of Karion Istomin] // Estestvennonauchnye predstavleniya Drevnej Rusi: Schislenie let. Simvolika chisel. «Otrechennye knigi». Astrologiya. Mineralogiya. Moscow, 1988. (In Russian).

Bogdanov A. P. Idei russkoj publicistiki: mezhdru carstvom i imperiej [Ideas of Russian Journalism: between the Kingdom and the Empire]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Istoricheskoe samosoznanie dvoryanstva v period reform [Historical self-consciousness of the nobility in the period of reforms] // Problemy rossijskoj istorii. Vyp. 2. Izdatel'stvo Magnitogorskogo universiteta, 2003. (In Russian).

Bogdanov A. P. Karion Istomin [Karion Istomin] // Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Karion Istomin i Yan Amos Komenskij (K probleme osvoeniya tvorcheskogo naslediya «uchitelya narodov» v Rossii XVII veka) [Karion Istomin and John Amos Comenius (To the issue of development of the creative heritage of the «teacher of Nations» in Russia XVII century)] // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Letopisec russkogo voevody XVII veka [[The Chronicler of the Russian Voivode of the XVII century] // Prometej. Istoriko-biograficheskij al'manah serii «Zhizn' zamechatel'nyh lyudej». Vol. 16. Moscow, 1990. (In Russian).

Bogdanov A. P. Moskovskie polkovodcy 1572–1618 [Moscow Military Leaders 1572–1618.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Narrativnye istochniki o Moskovskom vosstanii 1682 goda. Chast' 1 [Narrative sources about the Moscow Uprising of 1682. Part 1] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta rossijskoj istorii RAN. Moscow, 1993. P. 77–108; chast' 2: Ibid. Moscow, 1995. P. 39–62. (In Russian).

Bogdanov A. P. Ot letopisaniya k issledovaniyu: russkie istoriki poslednej chetverti XVII veka [From chronicles to research: Russian historians of the last quarter of the XVII century]. Moscow, 1995. 2-e izd. Moscow — Berlin, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pamyatnik russkoj pedagogiki XVII v. (Poeticheskij triptih Kari-ona Istomina dlya nachal'noj shkoly) [Monument of Russian pedagogy of the XVII century. (Poeticheskiy triptych Kari-on Istomin for primary school)] // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pochemu car' Fedor Alekseevich prikazal sdat' Chigirin [Why did Tsar Fyodor Alekseevich order the surrender of Chigirin] // Voенно-istoricheskij zhurnal. № 1. 1998. (In Russian).

Bogdanov A. P. Pravlenie carevny Sof'i [The Reign of the Russian Princess Sophia] // Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture. Materialy nauchnoj konferencii 1995 g. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 99). Moscow, 1998. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi ot Iova do Iosifa [Russian Patriarchs from Job to Joseph]. Moscow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi ot Nikona do Adriana [Russian Patriarchs from Nikon to Adrian]. Moscow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Russkie patriarhi. 1589–1700 [Russian Patriarchs. 1589–1700]. Vol. 1–2. Moscow, 1999. (In Russian).

Bogdanov A. P. Rus' ot Novgoroda, Novgorod ot Noya: novgorodskij vklad v obshcherusskoe letopisanie XVII v. [Rus from Novgorod, Novgorod from Noah: the Novgorod Contribution to the All-Russian Chronicle of the XVII century] // Novogardia. № 2. 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Skazanie o Volkonskih knyaz'yah [Legend of Volkonsky Princess]. Moscow, 1989. (In Russian).

Bogdanov A. P. Sofiya-Premudrost' Bozhiya i carevna Sof'ya Alekseevna. Iz istorii russkoj duhovnoj literatury i iskusstva XVII veka [Sophia-The Wisdom of God and Tsarevna Sofia Alekseevna. From the History of Russian Spiritual Literature and Art of the XVII century] // *Germenevtika drevnerusskoj literatury*. Vyp. 7. Moscow, 1994. (In Russian).

Bogdanov A. P. Stih i obraz izmenyayushchejsya Rossii: poslednyaya chetvert' XVII — nachalo XVIII veka [Verse and the image of changing Russia: the last quarter of the XVII-beginning of the XVIII century]. Moscow, 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Stih torzhestva: Rozhdenie russkoj ody, poslednyaya chetvert' XVII — nachalo XVIII veka [Verse of celebration: The birth of the Russian Ode, the last quarter of the XVII-beginning of the XVIII century]: [v 2 ch.]. Moscow, 2012. (In Russian).

Bogdanov A. P. Uchyoba carskih detej XVII v. i izdaniya gosudarevyh tipografij [Studies of the Tsar's children of the XVII century and editions of the Tsar's printing houses] // *Fyodorovskie chteniya*. 2003. Moscow, 2003. P. 224–256. (In Russian).

Bogdanov A. P. Fedor Alekseevich. Sof'ya Alekseevna [Fyodor Alexseevich. Sophia Alexeevna] // *Romanovy. Istoricheskie portrety*. Kn. 1. Moscow, 1997. (In Russian).

Bogdanov A. P. Carevna Sof'ya v sovremennyh poeticheskikh obrazah [Tsarevna Sophia in modern poetic images] // *Kul'tura srednevekovoj Moskvy: XVII vek*. Moscow, 1999. (In Russian).

Bogdanov A. P. Carevna Sof'ya i Pyotr. Drama Sofii [Tsarevna Sofya i Pyotr. Drama of Sophia]. Moscow, 2008. (In Russian).

Bogdanov A. P. Zar'-reformator Fedor Alekseevich: starshij brat Petra I [Tsar-reformer Fyodor Alekseevich: the elder brother of Peter I]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P., Pentkovskij A. M. Sud'ba Licevogo svoda Ivana Groznogo [The fate of the Facial Arch of Ivan the Cruel] // *Russkaya rech'*. № 5. 1984. (In Russian).

Bogdanov A. P. Obshchestvennoe mnenie i vneshnyaya politika Rossii pri care Fyodore i kanclere Golicyne [Public opinion and foreign policy of Russia under Tsar Fyodor and Chancellor Golitsyn] // *Problemy rossijskoj istorii*. Vyp. VIII. Moscow — Magnitogorsk, 2007. (In Russian).

Bogoyavlenskij S. K. Moskovskij prikaznyj apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov [Moscow prikazny apparatus and office work of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 2006. (In Russian).

Brajlovskij S. N. Odin iz «pestryh» XVII stoletiya [One of the «motley» of the XVII century]. St. Peterburg, 1902. (In Russian).

Buganov V. I. Moskovskie vosstaniya konca XVII veka [Moscow uprisings of the end of the XVII century]. Moscow, 1969. (In Russian).

Buganov V. I. Razryadnye knigi poslednej chetverti XV — nachala XVII vv. [Bit books of the last quarter of the XV-beginning of the XVII centuries] Moscow, 1962. (In Russian).

Volkonskaya E. G. Rod knyazej Volkonskih [The family of the Princes of Volkonsky]. St. Peterburg, 1900. (In Russian).

Galaktionov I. V. Rannyaya perepiska A. L. Ordina-Nashchokina [Early correspondence of A. L. Ordin-Nashchokin]. Saratov, 1968. (In Russian).

Gejman V. T. Solyanoj promysel gostya Pankrat'eva Yarenskogo uezda [Salt fishing of merchant Patrikeev from Yarensky uyezd] // *Letopis' zanyatij Arheograficheskoy komissii*. Vyp. 35. Leningrad, 1929. (In Russian).

Gurlyand I. Ya. Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka [Fast driving of coachmen in the Moscow state until the end of the XVII century]. YAroslavl', 1900. (In Russian).

Demin A. S. Hudozhestvennyye miry drevnerusskoj literatury [Artistic worlds of Ancient Russian literature]. Moscow, 1993. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnij byt russkih caric v XVI i XVII stoletiyah [The domestic life of Russian Tsarits in the XVI and XVII centuries]. Moscow, 1869. (In Russian).

Zabelin I. E. Domashnij byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyah [The domestic of the Russian people in the XVI and XVII centuries]. Ch. I–II. Moscow, 1895–1915. (In Russian).

Zabelin I. E. Minin i Pozharskij. Pryamyje i krivyje v Smutnoje vremya. Moscow, 1901. (In Russian).

Zezyulinskij N. Istoricheskoe issledovanie o konnozavodskom dele v Rossii [Historical research on horse breeding in Russia.]. Issue. 1. St. Peterburg, 1889. (In Russian).

Kibalova L., Gerbenkova O., Lamarova E. Illyustrirovannaya enciklopediya mody [Illustrated Encyclopedia of Fashion]. Praga, 1986. (In Russian).

Kiselev N. P. O moskovskom knigopечатanii XVII veka [About the Moscow book printing of the XVII century] // *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Vol. 2. Moscow, 1960. (In Russian).

Kloss B. M. O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya» [On the origin of the name «Russia»]. Moscow, 2012. (In Russian).

Klyuchevskij V. O. Boyarskaya дума v Drevnej Rusi [Boyar Duma in Ancient Russia]. Izd.5-e. Petrograd, 1919. (In Russian).

Kozlovskij I. P. Andrej Vinius. Sotrudnik Petra Velikogo (1641–1717) [Companions of Peter the Great] (1641–1717). St. Peterburg, 1911. (In Russian).

Kopanev A. I. Knizhnost' severnoj volosti XVI–XVII vv. [Knizhnost' 'severnaya volost' in XVI–XVII ages] // *Kul'turnoe nasledie Drevnej Rusi*. Moscow, 1976. (In Russian).

Kopanev A. I. Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v. [The Peasantry of the Russian North in the XVI century]. Leningrad, 1978. (In Russian).

Kostomarov N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniya [Historical Monographs and Studies]. Vol. 14. Saint-Peterburg, 1881. New ed. Moscow, 1989. (In Russian).

Kosheleva O. E., Morozov B. N. Gramotnost' i obrazovannost' razlichnyh soslovij [Literacy and education of various estates] [XVII century] // *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v.* Moscow, 1989. (In Russian).

Kosheleva O. E., Morozov B. N. Istoricheskoe soznanie i social'noe povedenie rossijskogo dvoryanstva XVII v. (K voprosu o formirovanii analiticheskogo kompleksa istochnikov) [Historical consciousness and social behavior of the Russian nobility of the XVII century (On the question of the formation of an analytical complex of sources)] // *Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV — seredina XIX vv. Mezhdunarodnaya*

konferenciya. — Chteniya pamyati akademika L. V. Cherepnina. Tezisy dokladov. Moscow, 1994. Ch. I. (In Russian).

Lavrent'ev A. V., Matveeva E. N. Gross Leontij [Gross Leontiy] // SKKDR. Vyp. 3. CH. 1. St. Peterburg, 1992. (In Russian).

Lukichev M. P. Boyarskie knigi XVII veka [Boyar books of the XVII century] // Sovetskie arhivy. № 5. 1980. (In Russian).

Luppov S. P. Kniga v Rossii XVII v. [Book in Russia on XVII century]. Leningrad, 1970. (In Russian).

Luppov S. P. Chitateli izdanij Moskovskoj tipografii v seredine XVII v. [Readers of publications of the Moscow Printing House in the middle of the XVII century]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Lyubomirov P. G. Ocherki istorii nizhegorodskogo opolcheniya 1611–1613 gg. [Essays on the history of the Nizhny Novgorod militia 1611–1613]. Izd. 2-e. Moscow, 1939. (In Russian).

Markevich A. I. Grigorij Karpovich Kotoshihini ego sochinenie o Moskovskom gosudarstve v polovine XVII veka. Istoriya odnogo predatel'stva i sozdaniya vydayushchejsya knigi o Rossii [Grigory Karpovich Kotoshikhin and his essay on the Moscow state in the half of the XVII century. The story of one betrayal and the creation of an outstanding book about Russia]. Odessa, 1895; new ed. Moscow, 2016. (In Russian).

Markevich A. I. O mestnichestve [About the mestnichestvo]. Ch. I. Kiev, 1879. (In Russian).

Milyukov S. G. Dumnyj d'yak Andrej Andreevich Vinius — gosudarstvennyj deyatel' Rossii vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII vekov [Duma clerk Andrej Andreevich Vinius-statesman of Russia of the second half of the XVII-beginning of the XVIII centuries] Dissertaciya ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 2000. (In Russian).

Morozov B. N. Arhiv torgovyh krest'yan Shanginyh [Archive of trade peasants of the Shangins] // Sovetskie arhivy. № 1. 1980. (In Russian).

Morozov B. N. Deloproizvodstvo i arhiv v krupnoj boyarskoj votchine XVII v. [Documentation and archive in the large Boyar patrimony of the XVII century] // Istochnikovedcheskie issledovaniya po istorii feodal'noj Rossii. Moscow, 1981. (In Russian).

Morozov B. N. Zapisnaya knizhka pomeshchika XVII v. [Notebook of the landowner of the XVII century] // Sovetskie arhivy. № 5. 1983. (In Russian).

Morozov B. N. Iz istorii ruskoj perevodnoj nauchnoj tekhnicheskoy knigi v poslednej chetverti XVII — nachale XVIII v.: (Arhiv perevodchikov Posol'skogo prikaza) [From the history of the Russian translated Scientific and Technical book in the last quarter of the XVII-early XVIII century: (Archive of translators of the Embassy Order)] // Sovremennye problemy knigovedeniya, knizhnoj torgovli i propagandy knigi. Issue. 2. Moscow, 1983. (In Russian).

Morozov B. N. K izucheniyu opisej chastnyh arhivov XVI–XVII vv. [To study the inventories of the private archives of the XVI–XVII centuries] // Voprosy istochnikovedeniya i istoriografii istorii SSSR. Dooktyabr'skij period. Moscow, 1981. (In Russian).

Morozov B. N. Letopiscy na stolbcah v chastnyh arhivah XVII veka [Chroniclers on columns in private archives of the XVII century] // *Istoriya i paleografiya*. Moscow, 1993. (In Russian).

Morozov B. N. Sluzhebnye i rodoslovnnye dokumenty v chastnyh arhivah XVII v. (K postanovke voprosa) [Official and genealogical documents in private archives of the XVII century (To the formulation of the question)] // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'sko-go perioda*. Moscow, 1982. (In Russian).

Morozov B. N. Chastnoe pis'mo nachala XVII v. [Private letter of the beginning of the XVII century] // *Istoriya russkogo yazyka. Pamyatni-ki XI–XVIII vv.* Moscow, 1982. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Kollektivnye dvoryanskije chelobit'ya po voprosam mezhevaniya i opisaniya zemel' v 80-h godah XVII v. [Collective noble petitions on land surveying and land description in the 80s of the XVII century] // *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION*. T. IV. Moscow, 1929. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Pobegi krest'yan i holopov i ih sysk v Moskovskom gosudarstve vtoroj poloviny XVII v. [Flight of peasants and slaves and their investigation in the Moscow state in the second half of the XVII century] // *Trudy instituta istorii RANION*. Vyp. I. Moscow, 1926. (In Russian).

Novosel'skij A. A. Rospis' krest'yanskijh dvorov, nahodivshijsya vo vladenii vysshego duhovenstva, monastyrej i dumnyh lyudej po perepisnym knigam 1678 g. [Inventory of peasant households that were in the possession of the higher clergy, monasteries and the Duma people according to census books 1678] // *Istoricheskij arhiv*. Vol. IV. Moscow — Leningrad, 1949. (In Russian).

Novohatko O. V. Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka [Russia. Private correspondence of the XVII century]. Moscow, 2018. (In Russian).

Oparina T. A. Neizvestnyj Ukaz 1653 g. o zapreshchenii koldovstva [Unknown Decree of 1653 on the prohibition of witchcraft] // *Drevnyaya Rus'*. Voprosy Medievistiki. № 3 (9). 2002. (In Russian).

Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v. [Essays on the history of the USSR during the feudal period. XVII century] Moscow, 1955. (In Russian).

Panchenko A. M. Russkaya stihotvornaya kul'tura XVII veka [Russian poetic culture of the XVII century]. Leningrad, 1973. (In Russian).

Pekarskij P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia in the Time of Peter the Great]. Vol. 1. St. Peterburg, 1862. (In Russian).

Pentkovskij A. M., Bogdanov A. P. Svedeniya o bytovanii Knigi carstvennoj («Licevogo svoda») v XVII v. [Information about the existence of the royal book («Licevoy chronicle code») in the XVII century] // *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'sko-go perioda*. Moscow, 1983. (In Russian).

Petrikeev D. I. Krupnoe krepostnoe hozyajstvo XVII v. [Large-scale serfdom in the XVII century]. Leningrad, 1967. (In Russian).

Professional'noe obuchenie pri moskovskih prikazah [Professional education at Moscow departments] // *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevnejshih vremen do konca XVII v.* Moscow, 1989. (In Russian).

Rovinskij D. A. Russkie narodnye kartinki [Russian folk pictures]. Book. 2. St. Peterburg, 1881. (In Russian).

Rodnikov V. Dva temnyh mesta v nashej pedagogicheskoj literature XVI–XVII vv. [Two incomprehensible moments in our pedagogical literature of the XVI–XVII centuries] // Trudy Kievskoj Duhovnoj akademii. Book VI. 1913. (In Russian).

Rojzman L. I. Organ v istorii russkoj muzykal'noj kul'tury [Organ in the history of Russian Musical Culture]. Moscow, 1979. (In Russian).

Saharov I. P. Zapiski russkih lyudej. Sobytiya vremen Petra Velikogo [Notes of Russian people. Events of the time of Peter the Great]. St. Peterburg, 1841. (In Russian).

Sedov P. V. K istorii boyarskoj sem'i XVII v.: Sem'ya knyazya N. I. Odoevskogo [To the history of the boyar family of the XVII century: the family of Prince N. I. Odoyevsky] // Cahiers du monde russe Russie. 57/2–3. 2016. (In Russian).

Smirnov P. Pravitel'stvo B. I. Morozova i vosstanie v Moskve 1648 g. [The government of B. I. Morozov and the uprising in Moscow in 1648] Tashkent, 1929. (In Russian).

Snegirev I. M. Lubochnye kartinki russkogo naroda v moskovskom mire [Lubok pictures of the Russian people in the Moscow world]. Moscow, 1861. (In Russian).

Sobolevskij A. I. Obrazovannost' Moskovskoj Rusi XV–XVII vv. [Education of Moscow Russia of the XV–XVII centuries]. St. Peterburg, 1903. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya v 18 kn. [Essays in 18 books.] Book. IX. Moscow, 1993. (In Russian).

Talina G. V. Novye tendencii v muzyke i muzykal'nom obrazovanii v dopetrovskoj Rossii XVII veka [New Trends in Music and musical equipment in pre-Petrine Russia in XVII century] // Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya kak nauka i kak uchebnyj predmet. Moscow, 1999. (In Russian).

Tarkovskij R. B. Vinius Adrej Andreevich [Vinius Andrey Andreevich] // SKKDR. Issue 3. Ch. 1. St. Peterburg, 1992.. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya [Russian history]. V 7-mi tomah. Vol. 7. Moscow — Leningrad, 1968. (In Russian).

Ustryalov N. P. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. VI. St. Peterburg, 1859. (In Russian).

Ustyugov N. V. Nauchnoe nasledie [Scientific heritage]. Moscow, 1974. (In Russian).

Cherepnin L. V. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Collections of the Zemstvo of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1978. (In Russian).

Shamin S. M., Dzhensen K. R. Inozemnye poteshniki pri dvore pervyh moskovskih carej // Rossijskaya istoriya. № 1. 2018. (In Russian).

Yurkin I. N. Andrey Andreevich Vinius, 1641–1716 [Andrey Andreevich Vinius, 1641–1646]. Moscow, 2007. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskaya feodal'naya votchina [Novgorod feudal patrimony]. Moscow, 1981. (In Russian).

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The boyar elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. (In English).

Crummey R. O. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700. // Canadian/American Slavic Studies 8. 1974. (In English).

Mitjurov B. N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij [Jan Amos Komensky and Simeon Polotsky] // Pedagogika. № 4. Praha, 1964. (In Czech).

About the author

Bogdanov Andrey P., Doctor of History, Leading Employee of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: culture_iri@mail.ru